

НОВЫЕ ШЕДЕВРЫ ТАНКА И ХАЙКУ
ЯПОНСКОГО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

近代童歌俳句集

秋風の歌

ПЕСНИ ОСЕННЕГО ВЕТРА

НОВЫЕ ШЕДЕВРЫ ТАНКА И ХАЙКУ
ЯПОНСКОГО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

в переводах
АЛЕКСАНДРА ДОЛИНА

Санкт-Петербург

ГИПЕРИЛЮН

2015

ББК 83.3(5Япо)
П28

Песни осеннего ветра. Новые шедевры танка и хайку
П28 японского Серебряного века / пер. с яп. А. А. Долина. —
СПб. : Издательский Дом «Гиперион», 2015. — 304 с. : ил.

ISBN 978-5-89332-223-1

В антологию вошли признанные шедевры лучших мастеров поэзии танка и хайку Серебряного века японской культуры — периода, охватывающего несколько десятилетий с конца XIX до середины XX века. Очарование древней традиции сплетается в этой лирике с живым ощущением «ветра перемен». Стремление к синтезу восточного и западного эстетического мироощущения придает творчеству поэтов Серебряного века неповторимый колорит.

Большинство произведений впервые публикуются на русском языке в книжном формате.

ББК 83.3(5Япо)

*При оформлении книги использованы работы
японских художников первой половины XX в.,
находящиеся в публичном доступе*

Ограничение по возрасту 12+

© А. А. Долин, составление,
перевод на русский язык, 2015
© Satoru Saito, calligraphy, 2015
© Оформление. Издательский Дом
«Гиперион», 2015

ISBN 978-5-89332-223-1

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В первой половине прошлого столетия Япония пережила свой Серебряный век, который дал миру плеяду блестящих мастеров как старых, так и новых поэтических жанров. Их творчество, почитаемое на родине наравне с бессмертной классикой Средневековья, давно вошло в сокровищницу японской культуры, но лишь сегодня начинает приоткрываться Западу.

В основе поэтики *танка* и *хайку* лежит стремление к конденсации образного мышления. Ее символ — мир, отраженный в капле, а точнее — в мириадах похожих друг на друга капель воды. Для японского поэта, унаследовавшего классическую традицию, на передний план выступает рефлексивная сторона творчества — осмысление извечных законов природы. Дзэн-буддизм, адаптировавший буддийскую метафизику к земной реальности и нуждам изящных искусств, придал окончательную форму концепции Бытия художника во Вселенной. Все предшествующие поколения художников и поэтов, причастные к той же духовной традиции, стремились к постижению единого Пути в мириадах частных проявлений. Каждое произведение искусства — стихотворение, картина или абстрактная композиция из камней в саду — является очередной попыткой постижения Пути.

Не-сказанное, *не*-прорисованное содержит ссылку к несказанному, к универсальной красоте, мудрости и гармонии вселенной — ко всему тому, что индивидуальное сознание, индивидуальное художественное дарование охватить не властно. Выявление сущности мира сводится к его познанию через посредство специфического художественного кода. Чем точнее передано то или иное действие, состояние, выражение при помощи минимального количества средств, чем явственнее присутствие в данном произведении Вечности и Бесконечности, тем совершеннее образ. Так возникает поэтика суггестивности, нашедшая оптимальное выражение в *танка* и *хайку*.

Символика «зеркальности духа-разума», «духа как водной глади» присуща всем видам дзэнских искусств, и в новых

танка и *хайку* XX века, освобожденных от бремени канонических ограничений, поэтика, тем не менее, строится по-прежнему на отражении «великого в малом». Высший смысл бытия, заключенный в обыденных предметах, универсальных чувствах и своеобразных индивидуальных эмоциональных откликах, определяет характерные особенности как обновленных *танка*, так и *хайку*. Не случайно великий реформатор традиционной лирики Масаока Сики считал *танка* и *хайку* двумя стволами поэзии, растущими из единого корня.

Существование поэтики намека и обертона было возможно только в стране, где уровень культуры позволял расчитывать на всеобщее знание классического наследия, где коллективная «историческая память» народа подкреплялась разветвленными литературными и художественными реминисценциями из поколения в поколение. Новое в японской культурной традиции не отрицало старого, не перечеркивало его, но видоизменяло, дополняло и совершенствовало, наполняя порой иным социальным содержанием, приспосабливая к нуждам иного сословия, иной эпохи.

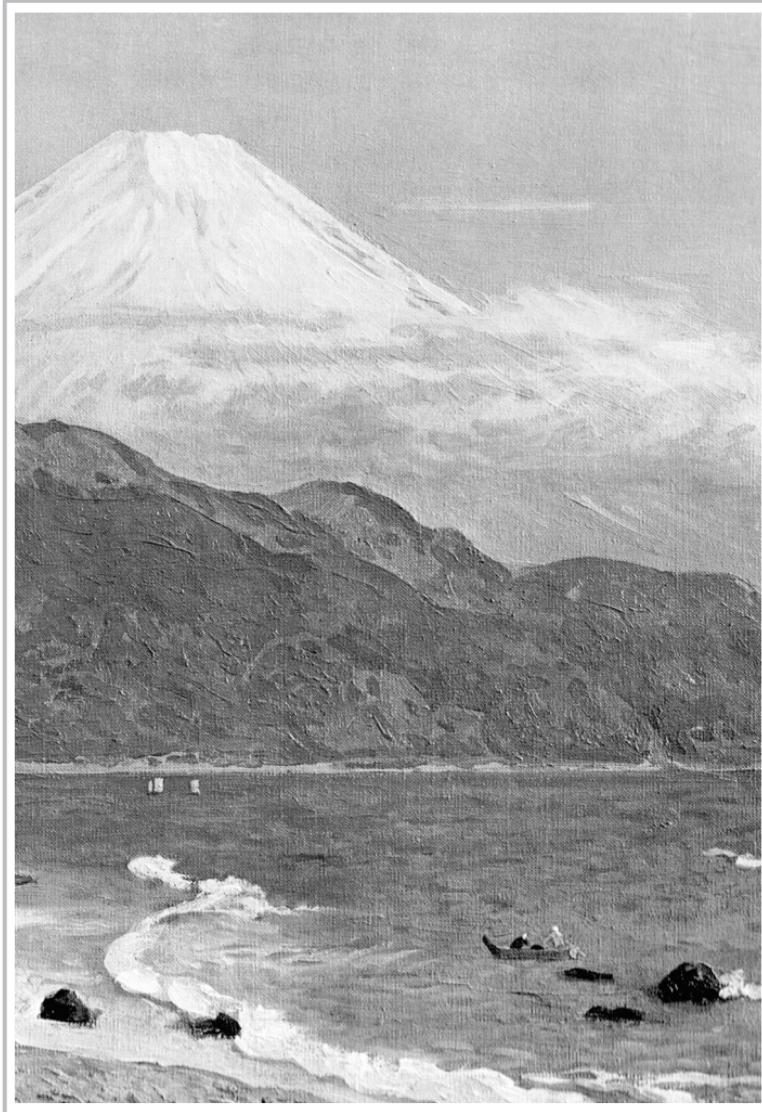
Реформа *танка* и *хайку* в начале XX века была насущной необходимостью, и никто из поэтов-традиционистов Нового времени не остался в стороне от процесса преодоления классического канона. Многие пытались предложить свой канон взамен старого. Иные призывали снять все возможные ограничения, перейти с древнеклассического языка на разговорный и писать как пишется, не заглядывая в поэтику. Вместе с тем традиционные жанры не утратили своих лучших качеств, продолжая служить изощренным инструментом самопознания и постижения красоты природы.

На фоне активно развивающейся культуры, впитывающей всевозможные западные влияния, с ее постоянно меняющимися школами и течениями, отрицанием предшественников и утверждением новых западных кумиров, *танка* и *хайку* даже в весьма модернизированном виде предстают миллионам читателей целительным родником национальной традиции.

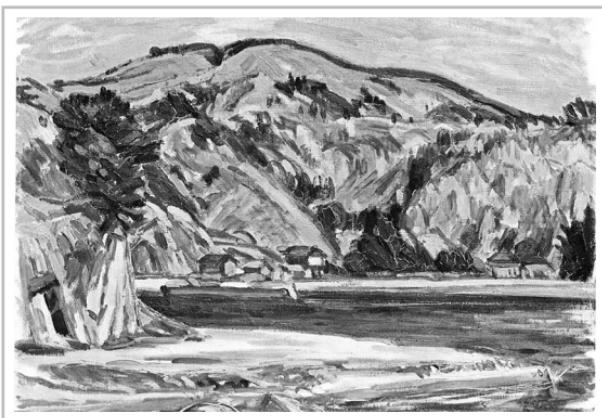
Предлагаемая читателю книга, включающая в основном новые имена и новые стихи, послужит весомым дополнением к ранее выходившим сборникам и антологиям поэтов японского Серебряного века.

Александр Долин

ПОЭЗИЯ ТАНКА

ЁСИИ ИСАМУ

Из книги «ХМЕЛЬНОЙ БРЕД»

От смутной тоски,
от невыразимой печали
трепещет оно,
сжимается и замирает,
мое беспокойное сердце!..

* * *

На шумном пиру,
посреди хмельного застолья,
вдруг мысль о тебе
тоскою пронзила сердце —
и стало так одиноко!..

* * *

Бескрайнее небо
необъятным оком своим
взирает на смертных —
не уйти никому, не скрыться
от пытливого, жадного взора...

* * *

Нестерпимая грусть!
Той единственной, той сокровенной
тайны тайн не открыв,
не излив томления сердца,
расстаемся навеки с тобою...

* * *

Мне приснилось во тьме,
что на ухо шепчет тихонько
беспросветная ночь, —
очарован, забыл, что ложе
ты сегодня со мною делишь...

* * *

На морском берегу
корабельного плотника домик —
вдруг у самых дверей
так приветливо и открыто
нам цветок вьюнка улыбнулся...

* * *

Близ Камакуры* древней
по отлогим окрестным горам
мы гуляем с тобою —
горных лилий на склонах не счесть,
распускается луноцвет...

* * *

Снова, не устояв,
эту ночь провели мы у моря,
наблюдая вдали
рыбаков, их лодки, бакланов,
красный отблеск пылающих углей...

* * *

Как меня поразило
в тот раз появленье твое!
Поздно ночью, без стука,
ты, промокшая под дождем,
вдруг шагнула через порог...

* * *

Подле горного храма,
что дал мне сегодня приют,
на веранде открытой
из сандалии старой твоей
раздается пенье сверчка...

* * *

Берег песчаный.
На лодку рыбачью присев,
тебе внимаю —
этой повестью о любви
зачарован и опьянен...

* * *

В дюнах нагретых,
объят томленьем любви,
я незаметно,
под гуденье пчел земляных
засыпаю и вижу сны...

* * *

Так много уже
у меня скопилось записок
с призывом твоим:
«Приходи поскорее в дюны!»
Вот и лето уже на исходе...

* * *

Свет далеких зарниц
вдруг напомнил тебе, как когда-то,
в ту далекую ночь,
ты смотрела на сполохи молний
из окна моей комнатушки...

* * *

Набежала волна
и отхлынула в море, стирая
письмена на песке, —
кто сотрет письмена печали
в безутешном скорбящем сердце?..

* * *

Каждое утро
встречаю у моря меж дюн
на том же месте
ту же девушку, что с улыбкой
не спеша идет мне навстречу...

* * *

О, как сердце щемит!
Вспоминается ночь на дюнах,
рокот моря вдали
и печальные крики чаек,
и любви невнятные речи...

* * *

Как будто расцвел
близ дороги к Большому Будде*
гвоздики цветок —
перламутровую ракушку
на обочину ты уронила...

* * *

Пьянству предавшись,
хотел я в вине утопить
юные годы
и забыться в хмельном бреду —
о, как горько жалею теперь!..

* * *

Не радуйся так
чаше, полной зелья хмельного,
не радуйся так!
Опьянев, по пути споткнешься —
потеряешь, расплещешь душу...

* * *

С полной чашей в руке,
изумленный, на миг замираю —
вдруг послышался мне
голос твой из чаши зовущий,
возвещающий: «О несчастный!..»

* * *

Право, если не пить,
что останется в суетном мире
для такого, как я?
О песчинки вечности, люди,
сожаленья ваши напрасны!

* * *

О чём ты поешь
так уныло и самозабвенно,
мой пьяный сосед?
Слышу только: «Добрые люди,
пожалейте меня, пропойцу!..»

* * *

Как слаб человек!
Любовью безжалостной сломлен,
в смятении чувств
сколько раз ходил я сегодня
за вином в ближайшую лавку!..

* * *

Сегодня не слышу
вечных уверений твоих:
«Ты губишь здоровье,
не пей слишком много, не пей!» —
пью вволю, но грустно мне...

* * *

Ужели так мелки,
так ничтожны тревоги мои,
волненья, заботы, —
что могу о них позабыть
после нескольких чаш вина?!

* * *

Подходит к концу
пир юности недолговечной,
что уж никогда
в этой жизни не повторится...
Крепчает осенний ветер.

* * *

Молодые токийцы —
лишь они еще могут понять
этот привкус печали —
ранним утром, усталый, хмельной,
по безлюдной Гиндзе бреду...

* * *

Над мудрецами
смеюсь в этом мире страстей —
они не знают
ни прекрасных сладостных грез,
ни безумных снов наяву!..

* * *

Дышит холодом в спину
осенний яростный вихрь —
лишь в час испытаний,
в годину тяжких невзгод
обо мне вспоминаешь ты...

* * *

И вот на перроне
ты сегодня поезда ждешь —
уезжаешь на Кюсю*.
По навесу льдинки стучат —
барабанит град в полутьме...

* * *

О нет, никогда
не забыть мне тот вечер прощальный!
И восемь часов
для меня навек превратились
в горький час безысходной скорби...

* * *

Снова вспомнилась мне
та давняя ясная осень,
снова тихо грущу —
хоть не раз с тех пор распускались
тростника цветы над рекою...

* * *

Донеслась с корабля
заунывшая песня матросов —
будто сосны шумят
на далеком архипелаге...
С островов Рюкю* эта шхуна.

Из книги
«ДО ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ»

Воспоминания,
отзвук давнишней печали —
словно далекие
снежные горные пики,
вставшие на горизонте...

* * *

Грустное зрелище
кровля на доме твоем
с травой проросшей,
но стократ печальней судьба
отгоревшей нашей любви...

* * *

Нет, мне не забыть
той ночи дивной в столице,
соцветья огней —
о Токио, милый город,
будь вечно так же прекрасен!

* * *

Все женщины вдруг
утратили прелесть былую.
Все вина, увы,
утратили крепость и пряность —
не скорбь ли всему виною?..

* * *

Токио милый!
Твой лик из тумана встает,
бледен, прозрачен —
словно женщины сказочный лик,
из тумана явленный мне...

* * *

Он немного бледней,
чем цвет полдневного моря
на бумажном листе,
оживленном рукой Хиросигэ*, —
цвет тоски, любовной печали...

* * *

Всей душой предаюсь
той щемящей, пронзительной грусти,
что не мог не вселить
совершенный портрет актера
на гравюре кисти Сяраку*...

* * *

В унылую пору,
в осенний пасмурный день
один отправляюсь
на железнодорожный вокзал —
посмотреть, побродить в толпе...

* * *

Из встречной коляски
несется игривый напев
«веселого дома».
«Не хотите ли прокатиться?» —
соблазняет меня красотка...

* * *

На дальние горы
смотрю сквозь туманную мглу —
слезы взор застилают.
Вот оттуда, с горных вершин,
и приходит ко мне печаль...

* * *

Помню, в те времена
каждый день выходил я на Гиндзу,
брел и брел наугад —
то окажешься в Аояги,
то окажешься в Сикииси...

* * *

Эту летнюю ночь
проводим мы вместе с тобою —
и во мраке звучат
неказанным очарованьем
даже дальнего грома раскаты...

* * *

Верно, скоро опять
придет тот бродячий торговец
и сверчка принесет* —
да, такого же, как когда-то,
прошлой осенью мы покупали...

* * *

Как он скорбно звучит
в рассветном сизом тумане —
то ли голос слепца,
то ли скрип калитки садовой
под порывом осеннего ветра!..

* * *

Я без цели брожу
по кривым переулкам столицы,
о деньгах и долгах
в одиночестве размышляю.
Все мрачнее вечер осенний...

Из книги
«Песни квартала Гион»

Дождь поливает.
Мостовые квартала Гион*
в пурпурных бликах —
оставляют светлую память
уходящей весны закаты..

* * *

Плынет в тишине
аромат благовонных курений.
Печально брожу
по извилистым переулкам,
вдыхаю воздух Гиона...

* * *

Кто разделит со мной
это странное чувство печали? —
Вот к концу подошло
выступленье столичных танцовщиц,
шум утих, опустела сцена...

* * *

О чем так скорбит,
что оплакивает безутешно?
Всю ночь напролет
однозвучно тоскливо ропщет
за окном река Камогава*...

* * *

Поздняя осень.
Смотрю, как свирепствует вихрь
над Камогава —
будто бы убоявшись зимы,
убывает в реке вода...

* * *

«Нынче ночью пойдем
все вместе на луг Торибэ!» —
сквозь прикрытую дверь
долетает из комнаты смежной
оживленный шепот танцовщиц...

* * *

Веет печалью
от беспечной их болтовни —
в весенний вечер
разговаривают на скамейке
обитательницы Маруяма*...

* * *

«Стужа в столице.
Не замерз ли и впрямь на лету
звон колокольный?» —
бормочу тихонько под нос
над остывшей чаркой сакэ...

* * *

Сурепки цветы
так ярко в поле желтеют!
Над ними весь день,
словно тень красавицы-девы,
одиноко бабочка кружит...

* * *

Красный свет фонарей
над домами любви и веселья,
отраженный в пруду, —
как давно по кварталу Банто
не бродил я вместе с тобою!..

* * *

Эта лунная ночь!
Не забыть мне скользящие блики
в волнах Удзи-реки,
шепот нежный, чуть различимый:
«Ах, не спи же, любуйся ночью!..»

* * *

Отбивает часы
гулкий колокол в храме Кохаку:
«Диги-дон, диги-дон...»
О тебе вспоминаю невольно —
и уснуть до зари не в силах.

* * *

Целый день я гулял
и забрел ненароком в Фусими*.
Одинок и уныл
был обратный мой путь в столицу —
долго шел с фонарем во мраке...

* * *

Я вечерней порой
над театром Кадо увидел
флаги яркие в ряд —
и под красными фонарями
оказался в квартале веселья...

* * *

К храму Дайтокудзи
я вышел, охваченный грустью,
и увидел, как снег —
первый снег осенний, нежданный —
тихо-тихо над храмом кружит...

Из книги
«ЯДОВИТЫЕ ЦВЕТЫ УЦУГИ»

Бесконечно болтать
танцовщица эта готова —
что ни слово, то вздор!
Огоньком зеленым мерцают
светляки у нее на ладони...

* * *

Я прелестным «цветком»*
очарован — и даже в разлуке
не забыть мне о нем, —
о, когда же суетной страстью
перестанет сердце томиться?..

* * *

Занемог я в пути —
и ночью снова мне снилась
та, с кем счастлив я был,
 тот «цветок любви» одинокий...
Настает осеннее утро.

* * *

Жил-был на свете
одинокий стариk-лицедей,
исполнитель рассказов.
В этой жизни знал он одно —
беспробудно до смерти пил...

* * *

Листья дерева гинкго
в Асакуса* выстлали двор —
не на этом ли месте
был когда-то большой балаган
для наездников цирковых?..

Из книги
«ЛОТОСЫ У БЕРЕГА РЕКИ»

Вдалеке от столицы
по дому родному грущу —
и бывает порою,
долетает ко мне сквозь сон
дивных лотосов аромат...

* * *

Ночью осенней
стесняет сердце тоска —
я вспоминаю,
как любил вечерней порой
под дождем по Гиндзе* бродить...

* * *

Если б знал я окно,
где мерцает сквозь сумрак туманный
тусклый свет фонаря —
и куда в безмолвии ночи
я бы мог постучаться сегодня!..

* * *

Поздняя осень
приходит в Семь горных долин,
в наш древний город —
о Камакура, край родной,
город детства и первой любви!..

* * *

Нынче ночью огни
горят над взгорьями Идзу* —
и всю ночь напролет
я не сплю, охвачен печалью,
о тебе во мраке тоскую...

* * *

Сколько лет, как в песке,
бесспощадным временем стерты,
затерялись следы
там, где мы бродили с тобою
по отлогим дюнам у моря.

* * *

В зимний пасмурный день
застыли песчаные дюны.
Вид их дик и угрюм —
будто вытянулась вдоль моря
череда курганов могильных...

Из книги
«СЕРДЦЕ НОЧИ»

Печально смотрю
на вино в бокале хрустальном.
Рубиновый блеск
как дрожащее отраженье
моего влюбленного сердца...

* * *

И никто не придет
к могиле моей одинокой,
не уронит слезу...
Скорбно думать о том, что забвенье
после смерти тебя ожидает!

* * *

Быть может, печаль
развеется здесь, в Нагасаки?
Быть может, любовь
забудется здесь, в Маруяма,
успокоится боль разлуки?..

* * *

С Хакусю вместе*
мы в Амакуса ночь провели
в трактире Оэ,
что когда-то пищу и кров
португальским «падре» давал*...

* * *

Щемящая грусть!
В час вечерний, когда над горами
сгущается мгла,
дальний зов долетает из леса —
это вальдшнеп на тяге кличет...

Из книги
«ЧАРКА ПОПУГАЯ»

Разве только людей
ненастье томит и печалит?
Ведь осенней порой
так уныло вздыхает ветер,
так грустят облака в поднебесье...

* * *

Вот и нынешний день
проходит в раздумьях бесплодных,
в беспричинной тоске —
дома слушаю ветер осенний,
наблюдаю осеннее небо...

* * *

Так или эдак
пусть умники видят наш мир —
я за окошком
вижу лишь рассветные зори
да лиловый сумрак вечерний...

* * *

Ты сказала, что ад
сокрыт на дне этой чарки.
О, воистину ад!
Будет ждать меня в преисподней
одиночество — не забвенье...

* * *

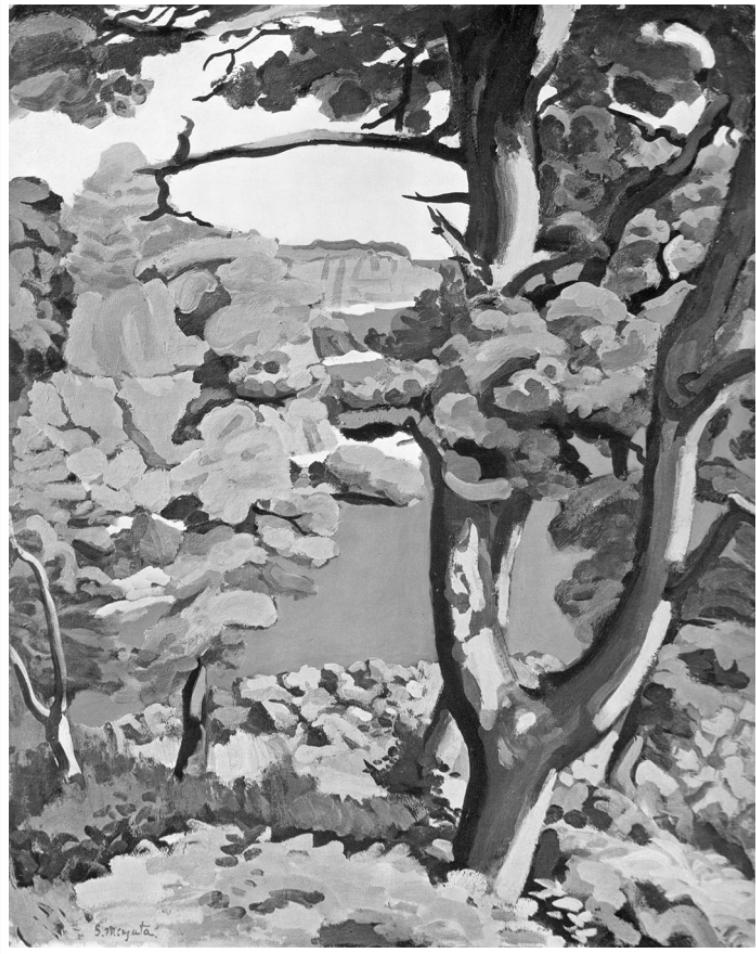
Я с вершины Ундзэн*
по тропе в жаркий полдень спускаюсь —
к Симабара иду.
Чуть слышна, долетает с моря
однозвучная песнь свирели...

* * *

Даже в дальнем пути
я печаль превозмочь не в силах —
может быть, оттого,
что поспорил перед отъездом
из-за мелочи с Такубоку*...

* * *

Слышу, что Бокусуй*
покинул мир этот бренный —
о, как осень грустна,
хоть и странствую я по свету,
хоть и пью, и от жизни вкушаю!..

S. Miyata

Из книг
«СУТРА ЧЕЛОВЕКА», «ДИТИЯ НЕБЕС»

Мне знакома печаль,
что есть в каждом времени года,
в смене весен и лет, —
но каким беспросветным уныньем
студит душу хмурая осень!..

* * *

Лишь немногим дано
изведать прохладную горечь —
ощутить на устах
вкус сакэ, что пьешь беспробудно,
находясь между жизнью и смертью...

* * *

Я упавший каштан
подобрал в траве у дороги —
и увидел на миг:
вот он, дом наш с высокой кровлей,
вот я сам, восьмилетний мальчишка...

* * *

Незаметно проник
сквозь тени угрюмого леса,
где, печалью объят,
в ветхой хижине я обитаю,
первый луч весеннего солнца...

* * *

Верно, время пришло
удалиться от бренного мира.
О светлая грусть!
Постригусь в монахи — и завтра
назову себя «Путь убогий»...

* * *

Из близких друзей
уж многих нет в этом мире —
один на один
с одиночеством и печалью
долгой жизни срок коротаю...

* * *

Я лелеял мечту
стать сыном вольного ветра,
грозовых облаков, —
но, увы, бесплодные грезы
растворились в годах минувших...

* * *

Мой заброшенный сад.
«Чир-чир-чир», — верещат цикады.
Распивая вино,
распеваю мысленно с ними
беззаботную эту песню...

* * *

Нет, не думаю я,
что когда-нибудь в суетной жизни
доведется опять
за горами вдали увидеть
белый снег на вершине Аори...

* * *

Сгущается сумрак.
Деревья шумят за окном —
и вместе с листвою,
все кажется мне, улетают
осенние грустные думы...

* * *

Целый месяц один
сажусь за обеденный столик —
ото всех вдалеке
проводжу в обители горной
бесконечно долгую зиму...

* * *

И не спросит никто:
«О чем этой ночью бессонной
ты не можешь забыть,
что томит и тревожит душу?»
Снова я один под луною...

* * *

Вспоминаю о той,
что меня любила когда-то,
в молодые года...
О, какой аромат источают
у дверей цветы померанца!

* * *

Во вторую луну
слышу гул отдаленного грома —
первый отзвук весны.
Снег идет. Я в панцире краба
одиноко сакэ согреваю...

* * *

Через горы иду,
и печаль одиночества гложет
все сильнее, все злей.
Наконец-то добрел под вечер
до ущелья Нирао, что в Тоса*...

* * *

Как хорош пейзаж!
К белым скалам острова Садо*
волны дружно бегут
и, обрушившись на утесы,
разбиваются с грозным ревом...

* * *

Сгущается мрак.
Вот и ночь приходит в ущелье.
Один в тишине,
я не сплю, тоскою измучен, —
и удары сердца считаю...

* * *

Где, как и когда
предстоит мне сей мир покинуть?
Я о жизни своей
и о смерти всю ночь размышляю
под луной на равнине Ино...

* * *

Глохнет гомон толпы.
На прохладные доски веранды
босиком выхожу,
наконец-то дождавшись часа,
чтобы ветер в соснах послушать...

* * *

Щемящая грусть!
Неведомой людям любовью
полно до краев,
к облакам в поднебесье рвется,
беспокойно трепещет сердце...

* * *

Щемящая грусть!
Разжигаю огонь в жаровне
и ночь напролет
сижу в раздумье печальном,
мешаю красные угли...

* * *

Щемящая грусть!
Снотворное не помогает.
Во мраке лежу,
дожидаюсь блаженной минуты —
сон по-прежнему медлит, медлит...

* * *

Щемящая грусть!
Как-то ночью вдруг захотелось
оставить свой дом
и вернуться в края родные,
материнской руки коснуться...

* * *

Щемящая грусть!
Напрасно пытаюсь забыться
в угаре хмельном.
Пью сакэ, — но хмель не приносит
ни покоя, ни отдохновенья...

* * *

Щемящая грусть!
Проснувшись один среди ночи,
о жизни своей
подумал — и жгучей болью
тоска наполнила сердце...

* * *

Щемящая грусть!
Дремоту превозмогая,
о нынешнем дне
и о завтрашнем, и о вчерашнем
размышляю неторопливо...

* * *

Щемящая грусть!
В видениях ночи бессонной
почудилось мне
моей быстротечной жизни
грядущее угасанье...

* * *

Щемящая грусть!
У жаровни припомнил былое
и давний тот день,
когда впервые собрался
в дальний путь, в край Сацума* южный...

* * *

Щемящая грусть!
«Конский хмель» посажу у забора —
подбела кусты,
а найдется сакэ в бутыли —
вылью все, чтоб землю удобрить...

* * *

Щемящая грусть!
Чем других бичевать, кто в чем-то
не согласен с тобой,
лучше хлыст найти понадежней
и себя побольнее высечь...

* * *

Щемящая грусть!
Болью в сердце моем отозвался,
замирая вдали,
этот дальний выстрел ружейный —
там, в горах, убили фазана...

* * *

Щемящая грусть!
Как не вспомнить со скорбью сегодня
о горькой судьбе
тех цикад, что жизнь доживают
в зимнем поле, на стеблях поникших...

* * *

Щемящая грусть!
Я от дум, иссушающих душу,
не в силах заснуть —
коротаю часы до рассвета,
ночь от ночи все больше седея...

* * *

Щемящая грусть!
Вдруг мне вспомнилось, как весною
в погожий денек
под лучами солнца играют
мостовые старой столицы...

* * *

Щемящая грусть!
Изнываю вдали от милой,
любовью томим,
и на ложе своем одиноком
не могу заснуть до рассвета...

* * *

Щемящая грусть!
Вновь сегодня на углях жаровни
согрею сакэ —
с каждым днем как будто уходит
в глубь зимы ущелье Нирао...

САСАКИ НОБУЦУНА

Из книг «ТРАВА РАЗДУМЬЯ»,
«СОБРАНИЕ СТИХОВ САСАКИ НОБУЦУНА»

Вновь навеял он мне
далекой юности грезы —
в опустившейся мгле
цвет душистой дафны над садом
разливает благоуханье...

* * *

Ночи все холодней —
и где-то в саду до рассвета
на остывшей земле
о своем печальном уделе
безутешно сверчок горюет...

* * *

Грустный шепот летит.
Кому она шлет свои пени,
та сухая листва,
что устлала в лесу тропинку,
осененную мглой вечерней?..

* * *

В этот вешний денек,
пригретые ласковым солнцем,
собрались они здесь,
под ветвями дерева гингко —
молодые мои студенты...

* * *

Вот весенняя ночь
сменяется ранним рассветом —
и ладья за ладьей
вдаль от южного берега Идзу
держат путь по синему морю...

* * *

Высоко в небесах,
на волнах облаков опаленных,
словно в рдяной крови,
пламенеет посередине
безысходно скорбное солнце...

* * *

Осенью поздней
на храм Якуси-дзи гляжу
в краю Ямато* —
вон над пагодою повисло
одинокое облачко в небе...

* * *

Там и сям вдалеке,
у края зеленого луга
предвечерней порой
под нависшими облаками
овцы — словно черные звезды...

* * *

Сколько минуло дней
с тех пор, как в тоске и смятенье
пребывает душа
и, потеряянная, блуждает
на пути меж жизнью и смертью!..

* * *

С омраченной душой
созерцаю темное море,
эти горы вдали,
сознавая, что горы и воды
те же, что наблюдал я прежде...

* * *

Безысходная скорбь
звучит в этом вое протяжном —
В плоть мою до костей
нынче осенью проникает
налетевший студеный вихрь...

* * *

Да, державы уж нет,
но горы и воды остались* —
нынче ночью опять
долго буду я любоваться
ясным светом луны в поднебесье...

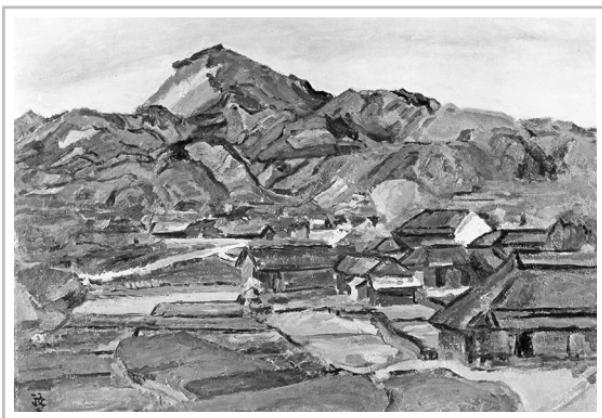
* * *

Вот и люди ушли,
и солнце зашло в отдаленье.
Под плывущей луной
опадают в саду тихонько
лепестки цветущего чая...

* * *

Лишь ночною порой
я кисть отложил наконец-то,
оглянулся вокруг —
только тень на стене одиноко
отпечаталась силуэтом...

АЙДЗУ ЯИТИ

Из книг
«Новые песни южной столицы»,
«Клич оленя»

Ветром полонена
столица древняя Нара —
высоко в небесах
под закатными облаками
пламенеют ярусы пагод...

* * *

В лощине меж гор,
недоступной свету дневному,
вдруг издалека
доносится еле слышно
одинокой горлицы голос...

* * *

Больше нет никого —
я один меж землею и небом
с бодхисаттвой Каннон* —
и ко мне, ни к кому иному
обращает она улыбку...

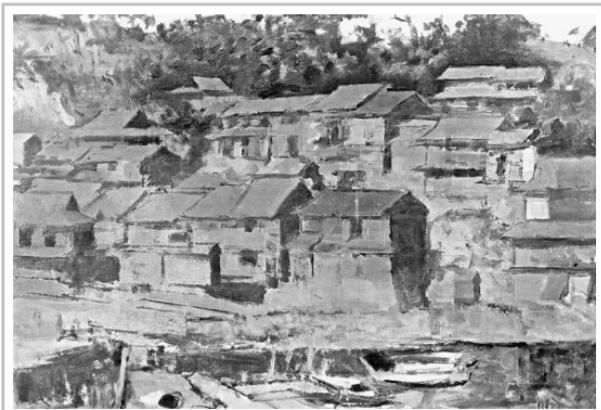
* * *

Кто, прокравшись в ночи
на храмовую колокольню,
в гулкий колокол бьет —
если в эту пору сам Будда
в забытьи пребывает сонном?..

* * *

И поля, и луга —
веси древнего края Ямато
все запечатлены
в затуманенном отраженье,
во всевидящем взоре Будды...

ОНОЭ САЙСЮ

На утесе стою
и вижу, как волны прибоя
бьют о камни внизу,
оставляя белую пену —
зелена пучина морская...

* * *

Оглянувшись назад,
я вижу лишь берег пустынный.
Далеко-далеко
протянулись песчаные дюны —
может быть, до самой столицы...

* * *

И мои земляки
из славного города Нара* —
я надеюсь, поймут,
как весной не знает покоя,
в дальний путь устремляется сердце...

* * *

Бело-серая пыль
свежим слоем легла на опоры
Земляного моста,
что когда-то в селенье Сахо
возвели над рекой Фуру-кава*.

* * *

Там, в лазурной дали,
разливает сияние солнце,
но печалью сквозят
эти горы в зелени свежей,
что вокруг безмолвно застыли...

* * *

На горе Касуга*
под сенью гигантского кедра
распустились весной
и белеют цветы подбела* —
на глазах невольные слезы...

* * *

На лугу Касуга
цветет одинокая вишня —
и, как древний поэт,
предвечерней порой вещает
о щемящей прелести странствий...

* * *

На Икома-горе*
часть склона окутана дымкой —
но сквозь плотный покров
проступает едва заметно
контур кровли храма Дзэн-кодзи...

* * *

На горе Касуга
трепещут глицинии листья
на весеннем ветру
и показывают изнанку —
снова в путь пора собираться...

* * *

Мелкий дождь моросит
По улочкам и переулкам
одиноко бреду —
на окраине древней Нары
эту вешнюю ночь встречаю...

* * *

Хорошо на душе
оттого, что по древнему тракту
я сегодня иду —
пролегла дорога из Сахо
пряником к далекой столице...

* * *

Поздней ночью лежу
и, внимая пению ветра,
что колышет листву
на деревьях в прекрасной Наре,
постепенно в сон погружаюсь...

* * *

На зеленом лугу
приближаюсь к оленю* без рожек,
что прилег отдохнуть
и, как видно, моим приходом,
он ничуть не обеспокоен...

* * *

Тень раскидистых крон
величественных криптомерий
чернотою сквозит —
на закате плывет над лугом
сладкий дух, аромат подбела...

* * *

Незнакомый старик —
вот, кем детворе деревенской
я, должно быть, кажусь.
После стольких лет наконец-то
возвратился в края родные...

* * *

Стебли летней травы
над обрушившейся стеной
еле слышно шуршат —
незаметно день угасает
и сменяется звездной ночью...

* * *

Предвечерней порой
слышно, как шелестят в полумраке,
навевая печаль,
листья саса*, плюща и лианы
под напором летнего ливня...

* * *

Мне припомнилась вдруг
та старая детская книжка,
что когда-то читал —
до чего же было в ней море
неприветливо и угрюмо!..

* * *

Снова вижу его,
мое ненаглядное море!
В доме на берегу
наконец-то разоблачаюсь —
городскую одежду снимаю...

* * *

Я бреду по песку
все дальше вдоль кромки прибоя,
и в подошвы мои
то и дело впиваются крошки
от раздробленных морем ракушек...

* * *

На поляне в горах
цветы полевой хризантемы
в бурой, жухлой траве —
интересно, какие песни
напевают они друг другу...

* * *

В этой горной глухи
лишь скал очертанья чернеют,
навевая печаль
наконец-то с утра улегся
беспокойный ветер осенний...

* * *

Чуть поодаль от гор,
окрашенных желтым и алым,
я в озерной воде,
в тех иссиня-зеленых бликах
вижу тон осенней печали...

* * *

Прогуляться с утра
выхожу я на берег песчаный —
и зачем-то опять
в воду водоросли бросаю,
возвращаю волнам прибоя...

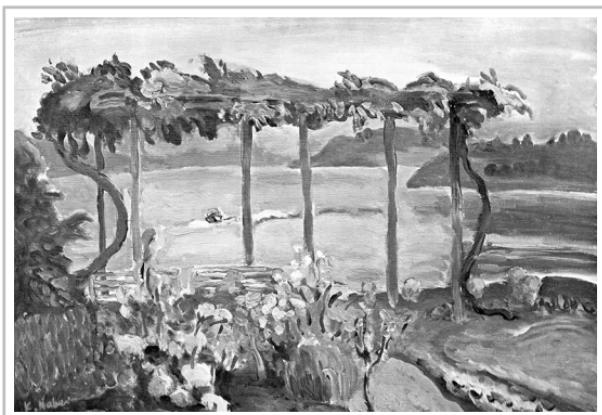
* * *

Небосвод поутру
подсведен зеленою листвою —
ясный день впереди.
Что ж, еще поживу, пожалуй,
вот такой беззаботной жизнью...

* * *

утром берег реки
окутан недвижным туманом —
и в белесых клубах,
влажной моросью густо покрыты,
тихо падают листья с вишен...

МАЭДА ЮГУРЭ

Спичку зажгу —
только тем утолю печали
бесприютной души,
что встречает вечер осенний
и во мглу уходит тоскливо...

* * *

Вечером летним
свалился безногий калека
посреди моста —
лихорадочно догорает
в небесах полоска заката...

* * *

Сквозь бурью пыль
влачишься ты одиноко —
весенний закат
в этот поздний час догорает
над глухим кварталом столицы...

* * *

Вдаль уходит река,
волны катят и катят в потоке
без конца, без конца —
и чем дольше гляжу на теченье,
тем сильней любовь в моем сердце...

* * *

Одиночество
за мной по пятам крадется.
Из дома выйду,
по улицам и переулкам
побреду, фонарями подсвечен...

* * *

Поздно ночью, зимой
в один из далеких кварталов
возвращаюсь к себе,
разжигаю устало угли
в неказистой ручной жаровне...

* * *

Темный ветер сквозит
по улицам и переулкам —
наступила зима.
Я, вернувшись домой, выпиваю
молока холодного кружку...

* * *

Как далек он уже —
день апрельский, когда распускались
вешних вишен цветы
и когда тебя, дорогая,
я впервые назвал женою...

* * *

Вверх по дюнам бреду —
взглянуть на крутые утесы,
что белеют вдали,
озаренные ярким солнцем, —
на обрывистый берег мыса...

* * *

Вот в закатных лучах
идет безмятежно нагая
к накатившей волне
эта девушка, разоблачившись,
чтобы здесь окунуться в море...

Исправительное учреждение посреди полей

Ходят по кругу
арестанты один за другим,
колесо вращая —
вспомнилось полотно Ван Гога
«Заключенные на прогулке»...

* * *

Сквозь мглистый сумрак
в грудь ночи вторгаясь, летит
с лязгом холодным
по металлу металла удар —
вдалеке пробили часы...

* * *

Стыло мерзает
над Фудзи в лунную ночь
снег на вершине —
в небесах над горой нависает
чуть заметный облачный полог...

* * *

Полнолуние.
Спит в колыбели дитя
сном безмятежным.
Я смотрю на него — и в душе
разливается благодать...

Оплакиваю отца

Извозчичий кнут
все нахлестывает раз за разом
лошадь по спине —
звук бессмысленный и ненужный
на последнем пути к погосту...

ИСИХАРА АЦУСИ

Я вечерней порой
по улицам и переулкам
беззаботно брожу —
а меж тем туман наступает,
с гор на город дохнув прохладой...

* * *

Ласточкино гнездо
притулилось во внешней прихожей
прямо на потолке,
подле толстой кровельной балки
в небольшом городском рёкане*...

* * *

Постоял на горе,
на развалинах старого замка,
в думах не о былом,
но всего лишь о ней, любимой, —
и обратно в город спустился...

* * *

Миновав перевал,
под вечер спускаюсь в долину —
 даль бескрайних небес
открывается перед взором —
 как она мне близка сегодня!...

* * *

Я с высокой горы
спускаюсь по южному склону —
в белых венчиках волн,
отражая полдневное солнце,
ослепительно море блещет...

* * *

Я в соседнем селе
встречаю крестьян, что явились
песни петь для меня —
кое-кто пришел издалёка
в зимних «снеговых шароварах»*...

* * *

На высоком холме
смотровая площадка над взгорьем —
видно, как вдалеке
красный флаг не ветру трепещет.
Отчего-то тоска на сердце...

* * *

В этом славном дому
на взгорье, под сенью деревьев,
тишина и покой —
наnochлег попросившись к крестьянам,
все мы рядышком спим сегодня*...

* * *

Все давно уже спят,
натянув поплотней одеяла,
а по темным лугам
запоздалый путник шагает
и поет себе во все горло...

* * *

Я всю ночь напролет
вспоминаю минувшие годы
и грущу о былом,
до рассвета глаз не смыкая
в отдаленном пристанище горном...

* * *

У подножья горы
клубится туманная дымка —
и при виде ее
сердце полнится отчего-то
странный, необъяснимой грустью...

* * *

Под осенним дождем
зеленую хвою роняют
сосны на берегу,
обступив укромную бухту,
в белых плотных клубах тумана...

* * *

Тучи низко плывут
по предзакатному небу.
На застывшей воде
в тусклых бликах зари вечерней
очертанья горы чернеют...

* * *

Грустной думой объят,
коротаю на взгорье лесистом
эти летние дни.
от и нынче мы вместе с другом
по окрестным тропам гуляем...

* * *

Непроглядный туман
уже наползает на взгорье,
но пока что видны
желто-бурые стебли тута
на плантации в дальней лощине...

* * *

В пору летних дождей
не радует серое небо.
Мы в вагоне сидим
и с тревогой смотрим в окошко —
слишком низко нависли тучи...

* * *

Сумрак вечерний.
Теснятся один к одному
семь горных пиков —
в эту дальнюю деревушку
я приехал проведать друга...

* * *

Грустной думой объят,
забрел я в тенистую рощу —
там, на склоне холма,
из сплетенья ветвей раздается
горной горлицы зов одинокий...

* * *

Серый, пасмурный день.
В саду голубей перекличка.
Вечер уж недалек,
а пока коротаем время
за неторопливой беседой...

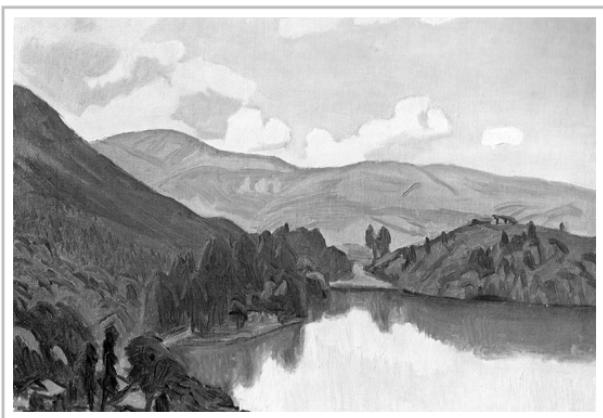
* * *

Долог, долог мой путь!
Конца нет сосновому бору —
и чем дальше иду,
тем пронзительней это чувство
одиночества и печали...

* * *

Из далеких краев
я нынче приехал на море
в одинокий приют —
по холодному побережью
в полумраке долго гуляю...

НИСИМУРА ЁКИТИ

Кто-то мимо прошел —
а я разглядел только профиль.
Под весенним дождем
ощущаю после полудня
накопившуюся усталость...

* * *

Алый отсвет зари
тонов распустившейся розы,
и в закатных лучах
расцветает ирис лиловый —
вот он, образ нашего мира...

* * *

По тропе через луг,
где выюнок отцветает печально,
одиноко бреду —
но в ушах звучит, не смолкает
смутный шум городских кварталов...

* * *

Я, смешавшись с толпой,
в прогулочной лодке сплавляюсь
вниз по Сахо-реке.
Держим путь прямиком к столице,
но тоска моя не уходит...

* * *

Множество овощей
на влажных разложенных досках —
прямо возле ворот
на задворках большого парка
лавка зеленщика примостилась...

* * *

В эту долгую ночь
я не сплю — в переулке напротив
красный свет фонаря
за стеклянной дверью мерцает
в одинокой табачной лавке...

* * *

В зимний сумрачный день
на стену больничной палаты
лучик солнца упал —
и от этого пятнышка света
сразу стало тепло на сердце...

* * *

Из больничных ворот
я выхожу на прогулку —
и щемящей тоской
проникает свет зимнего солнца
в душу бедного пациента...

* * *

Меж развесистых ив
гуляют дамы по Гиндзе* —
и вечерней порой
отблеск летних звезд чуть заметно
серебрится в трепете листьев...

* * *

Дочка зеленщика
предлагает в лавочонке клубнику —
держит горстку в руках.
Как мне мил в это летнее утро
вид знакомых рядов торговых!..

* * *

На циновку легла
тень от листьев павловнии* пышной —
и ажурный узор
отпечатан на старых татами
в отдаленном приюте горном...

* * *

Распевают сверчки
во мгле опустившейся ночи —
спать давно уж пора
беспокойным колосьям риса,
что колышутся за калиткой...

* * *

Посмотрел на друзей —
все как будто довольны друг другом,
и в ноябрьскую ночь
за столом в привычной тавerne
о делишках своих болтают...

* * *

Я в сосновом бору
прислушался и огляделся —
что за странная тиши!
И чем больше слух напрягаю,
тем полней и гуще безмолвье...

* * *

После сытной еды
развалился лениво в кресле
и так долго сижу,
что в конце концов рассердился
на свое набитое брюхо...

* * *

Там, за бухтой, вдали
смутно в мареве проступают
очертания гор —
Не Ёкосука* ли? А впрочем,
Ведь ее отсюда не видно...

* * *

Ведь и впрямь так давно
я не любовался на море!
Вот стою и смотрю,
как безмолвно вдали вскипают
над волнами белые гребни...

* * *

Вот мое же лицо —
отражение в глуби зеркальной
неприглядно на вид.
Как печально думать, однако,
что довел себя до такого!..

* * *

Все живут лишь одним —
заботами о пропитанье,
и более ни о чем.
Мириады людей теснятся
в мириадах домов-ячеек...

* * *

Чуть откроешь глаза —
пора вспыхах собираться,
на работу идти.
Ведь и впрямь сожаленья достойны
беспокойные наши души...

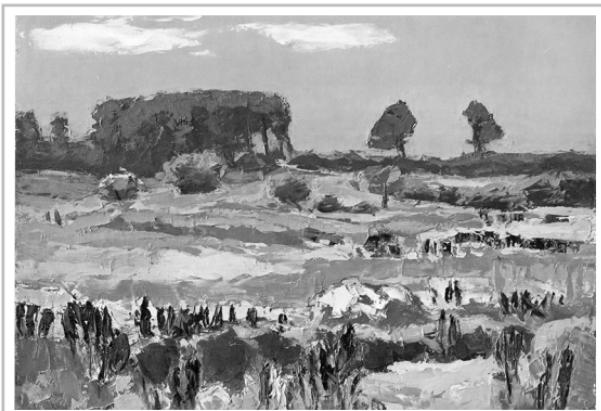
* * *

В электричке ночной
витающие ароматы —
запах женских духов.
Отчего-то стало на сердце
так невыразимо печально...

* * *

Посидели вдвоем,
о работе потолковали,
о пустячных делах.
Отчего-то, когда расстались,
стало грустно и одиноко...

ЦУТИДА КОХЭЙ

Подошла их пора —
опадают соцветия вишен.
В эти вешние дни
так приветливы и безмятежны
склоны гор, выходящие к морю...

* * *

Поутихли в саду
сверчков неумолчных напевы —
верно, там, за стеной,
теплый летний дождь поливает
молодую буйную зелень...

* * *

Предвечерней порой
бездлюдно на пляже песчаном —
только там, вдалеке,
белой пеной вскипают волны,
будто ластясь к темным утесам...

* * *

Обрывавший листву
с деревьев осенних на склонах,
дождь на время утих —
на другой стороне залива
белый снег по отрогам Фудзи...

* * *

Опускается мгла,
и холодом веет под вечер.
Слышно, как по плетню
барабанит ливень осенний,
поливая мой палисадник...

* * *

Успокоился вихрь,
утихла осенняя буря,
и в бескрайней дали
вновь колышутся так печально
темно-синие волны моря...

* * *

Гор далеких гряда —
должно быть, вершины Синано* —
приковала мой взор.
Вижу, как неярко сверкает
Белый снег под утренним солнцем...

* * *

Гонят стадо коров
вдоль рва по старой дороге —
и в закатных лучах
на земле пластами белеют
лепестки облетевших вишнен...

* * *

На исходе весна.
Я пасмурный день коротаю —
и весь день за стеной,
там, в песчаной бухте Наганэ
бьют о берег волны прибоя...

* * *

В пору летних дождей
проглянуло яркое солнце,
озарило траву —
и кузнечики со сверчками
вновь заводят свои напевы...

* * *

В обрамленье листвы
густой, иссиня-зеленой,
окропленный дождем,
шар гортензии смутно белеет,
в глубине куста затерявшись...

* * *

На улице дождь,
но снова я слышу сегодня,
как стадо коров
шагает окольной дорогой,
приют мой в горах минута...

* * *

Сумрак горы укрыл,
но над гладью уснувшего моря
брежит, чуть различим,
тусклый отблеск зари закатной.
Утихают вдали цикады...

* * *

С гор спустился туман,
надвинулся плотной стеной —
из его глубины
слышно лишь, как падают капли
с веток вымокших криптомерий...

* * *

В этом горном kraю
внезапно стало так тихо!
Почему-то молчит,
оборвав в одночасье песни,
хор цикад на ветвях деревьев...

* * *

Зарядили дожди,
осенние долгие ливни,
и в саду у меня
распускаются георгины, —
правда, мелкие уродились...

* * *

Под осенним дождем
поникли деревья и травы —
как печально звучит,
улетая в горные пади,
этот голос сорокопута!..

* * *

Одиночества грусть!
Завывает на улице буря.
Я в приюте своем
холод зимней ночи встречаю,
поплотнее обняв жаровню*...

* * *

Вдруг в разгаре зимы
день выдался ясный, погожий.
Я вдоль моря брожу —
и никак не могу наглядеться,
по его синеве стосковавшись...

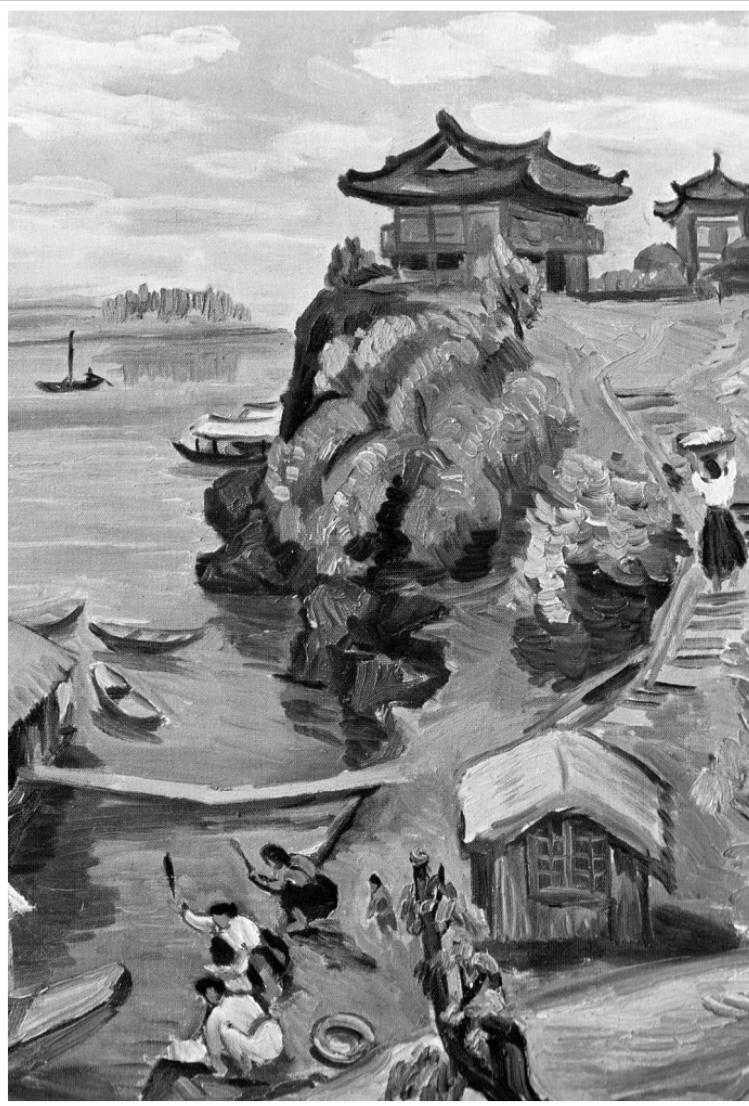
* * *

Разошлись облака —
и в тусклом сиянье рассвета
далеко-далеко
видно, как на горной вершине
свежевыпавший снег белеет...

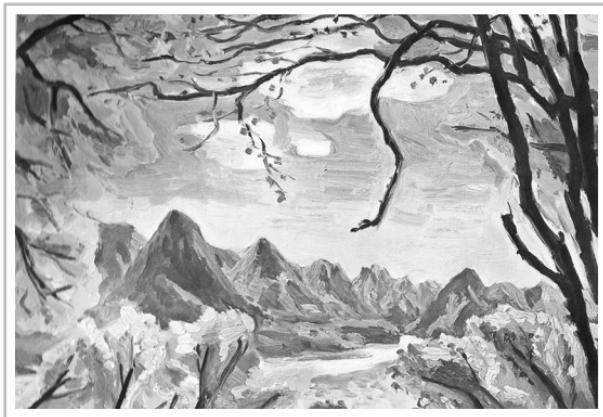
* * *

На тропинке лесной
сгущаются к вечеру тени.
Одиночка бреду —
а вокруг надрывно и горько
на ветвях рыдают цикады...

ПОЭЗИЯ ХАЙКУ

ИСИИ РОГЭЦУ

Из рукописного собрания хайку

ВЕСНА

Алой сливы цветы.
А сколько же лет той девушке
в соседнем доме?..

* * *

Весна уходит.
До моих родных краев
целых триста ри*...

* * *

Постоялый двор —
облачаюсь вечером
в свой ночной халат*...

* * *

Ни волн, ни зыби —
Под луной, блуждающей в тучах,
побережье Сото*...

* * *

Мерный плеск весел.
Персики вдоль берегов
вот-вот расцветут...

* * *

Весенний ветер —
завывают, гудят провода
вдоль тракта Токайдо*...

* * *

Ночью туманной
смутно белеют цветы —
только какие?..

* * *

Замечательный вид!
По деревне, где персик в цветенье,
мчится машина...

* * *

Крыши стали пониже
в деревушке, где нынче цветут
персик и вишня...

* * *

Каменная Дзидзо* —
а за ней в просторах полей
цветет сурепка...

* * *

Никого вокруг —
только эти горы да море
под весенним ливнем...

* * *

Под весенним дождем
созерцает даль Большой Будда —
такой одинокий...

* * *

И поля, и луга
под завесой весеннего ливня.
Мычтит корова...

* * *

На вечернем ветру
подле входа на кладбище вишня
вовсе без цветов...

* * *

Криптомерия —
до макушки вся в лозах глициний*,
в вешнем цветенье...

* * *

Повсюду вокруг
азалии белой и алой
цветущие кущи...

* * *

Вешняя гроза —
отставляю тушь, не успев
дорисовать дракона...

* * *

Хризантемы в цвету —
любуюсь старинной картиной
в храме древней Нары*...

* * *

Кисть и тушь на подносе* —
в этот жаркий солнечный день
рисую с натуры..

* * *

Пион в цветенье —
только что законченный
рисунок на шелку...

* * *

Этот запах туши!
Сливы вешние цветы
рисую на шелку...

* * *

Ручья журчанье.
Овощи в цвету.
Луна в моей ванне...

* * *

Рябь на воде.
Тусклый отблеск зимнего солнца
на пруду в горах...

* * *

Весенний вечер.
Под струю, из горячих ключей
подставляю ноги...

* * *

Все пьяным-пьяны
от душистого вина —
пируем весной...

* * *

Под луною слива в цвету.
С моста обрывки беседы
доносит ветер...

* * *

Вешние воды
омывают опоры моста.
О, эта прохлада!

* * *

Ущелье меж гор —
бревенчатый мост через речку.
Смотрю на бег облаков...

* * *

Я окликнул его,
того, что мотыжил поле.
Сумерки над дорогой...

* * *

С фонарем в руках
появилась в дверях хозяйка —
гостиница весной...

* * *

Лед растаял в горах,
превратившись при этом в стремнину,
что мчится меж скал...

* * *

Персик в вешнем цвету.
Деревянную старую чашку
к берегу прибило...

* * *

Не окучены,
одичали хризантемы
в заглохшем саду...

* * *

Весь день напролет
что-то сеет в поле крестьянин —
и весь день один...

* * *

Сурепки цветы —
в затерянном горном храме
и колокола нет...

*Нумадзу**

Деревушка в горах.
В ясный день сквозь листву персика
виднеется Фудзи...

* * *

Эта бабочка
родилась из самых недр
пшеничного поля...

* * *

Спящий старый кот —
ни следа любовных грез
на морде у него...

* * *

По пути домой
напевает кукле песню
соседская девчушка...

* * *

Чайный дом «Глициния» —
сплошь в лозах цветущих глициний
столбы и стрехи...

* * *

Равнина Мияги*
будто поле, уходит вдаль —
дикие хризантемы...

* * *

В пору отлива
резвятся люди вдали —
сумерки медлят...

* * *

Мужчины в лодке
что-то варят на обед.
Пора отлива...

* * *

Таянье снегов.
С каждым днем все явственней краски
на горных склонах...

* * *

Птичье гнездо —
на тропинке, что пролегла
по родному краю...

* * *

Ветку наклонил —
и роса пролилась на камень
с листьев ямабуки*...

* * *

Птицы в Новом году —
воробыи в рядок, словно строфы
в стихах-цепочках*...

* * *

Лишь два-три цветка —
но в этом деревце сливы
краса всего сада*!..

* * *

Сонмы древних божеств,
должно быть, тоже резвятся
там, среди сосен...

* * *

Колокол бьет.
Долгий день в престольном Киото,
в храме Тион-ин...

* * *

Знойное марево.
В лавочке по дороге в Одзу*
бумага для эскизов...

* * *

Бедный котенок!
Он и знать не знает, кто был
его папашей...

* * *

Холодный ужин
за унылым трактирным столом.
Луна в тумане...

* * *

Зимнее блюдо,
но в тарелке алеет бутон —
аралии время цветсти...

* * *

Первый гром в году*
перебил всем хорошим людям
из сладкие сны...

* * *

Нынче ужин с душком
от сырых садовых улиток —
ночью в шалаше...

* * *

Так и сдуло с руки
порывом весеннего ветра
птенца-воробьишку...

* * *

Постоялый двор —
увы, вода для купанья
лишь чуть подогрета...

* * *

Ах, поэты хайку
в этом лучшем из миров!
Делают, что могут...

* * *

«Осень бамбука»*.
В небреженье былая слава
местечка Сага*...

* * *

Журавли улетели.
Опали сливы цветы.
В сумраке холмы...

* * *

Растаял лед.
Пух уточек-мандаринок
плывет по теченью...

* * *

Ветер весенний
наконец-то утих.
Облачно немножко...

* * *

Я смотрел, как плывут
облака весны уходящей —
вдаль они уплыли...

* * *

«Хватит! — говорит —
я пошел перекусить».
Кошачья любовь...

* * *

Ведь и Кэнко-монах*
собирал молодые хвоши —
любитель весны!...

* * *

Лаковая чашка,
как сокровище, блестит
под вешним солнцем...

* * *

Книги танка да хайку —
уж не в полки ли книг уходит
все тепло очага?..

* * *

«Осень бамбука».
Тэйка* в горном своем приюте
внимает дождю...

* * *

Всю краткую ночь
слушал голос неведомой птицы.
Мой приют в горах...

* * *

Всю короткую ночь
пела песню свою лягушка —
так одиноко...

* * *

Вешние ливни.
Растоптан, лежит на дороге
ириса цветок...

* * *

Всю краткую ночь
оплакивает пионы
хозяин дома...

* * *

Душистый ветер!
Вдоль дороги в родном kraю
вереск цветущий...

* * *

Облака над вершиной.
На стебле в шесть сяку раскрылся
лилии цветок...

* * *

Посреди базара
одиноко стоящий кедр.
Облака над вершиной...

* * *

Забавы в горах —
за мною тянется следом
весенняя тучка...

* * *

Деревня в горах.
Разглядываю, гуляя,
горячий источник...

* * *

Насмотревшись цветов,
домой возвращаюсь под вечер.
Палые листья бамбука...

* * *

На спине утки
растаял ночной снежок —
блестит под солнцем...

* * *

Год за годом следит,
как он старится над письменами, —
цветущая слива...

* * *

Белой сливы цветы —
как не хочется расставаться
с шалашом из соломы...

* * *

В селенье на водах
через мост вереница прохожих
порой весенней...

* * *

Метель из цветов!
И где-то неподалеку
музыка играет...

* * *

Нерастаявший снег
блестит на солнце весеннем
у корней старой сосны...

* * *

Похоже, что ночь
становится всё непроглядней —
Снегопад весной...

* * *

Морозец весной —
на заре в цветочной лавке
горят фонари...

* * *

С востока ползет,
направляясь куда-то на запад,
садовая улитка...

* * *

Холодное блюдо.
Под цветущим персиком домик
в тени прозрачной...

* * *

Гуси по весне —
Что за тощие отраженья
в глади озерной!..

* * *

Здесь убоги дома —
зато белизною обильны
цветущие сливы...

* * *

Для сынка пастуха,
что играет там, в отдаленье —
песня жаворонка...

* * *

Взлетел и запел
прямо за спиной у Сайгё*
жаворонок в небе...

* * *

Зелень хаги вокруг —
на тропе луговой повстречались
двоє гостей весны...

* * *

Богатая усадьба.
Ямабуки цветущих кусты —
словно руины...

* * *

Вот, где пересеклись
смысл хайку со смыслом картины —
ветка сливы в цвету...

* * *

Модную песню
Знают и в этой деревне.
Таянье снега...

* * *

Из окошка замка
озираю просторы полей —
зелень пшеницы...

* * *

Меж ростков пшеницы
прозрачные струйки воды —
следы вчерашнего снега...

* * *

Окаймляя залив,
холмы обозначили берег —
вешнее море...

* * *

Наклонился попить —
но ключ надежно укрылся
в цветах азалий...

* * *

Под весенным дождем
возвращаюсь в свою лачугу,
отведав вкусных грибов...

* * *

Вешнее тепло —
в нем и есть душа живая
всего мирозданья...

* * *

В дождливый сезон
в этом домике впору устроить
гостиницу для каппа*...

* * *

Меж деревьев в горах
идет весна потихоньку
в наш северный край...

* * *

На холодной заре
тусклый солнечный свет сочится
сквозь снежную стенку...

* * *

Повод для молодых
поиграть и повеселиться —
заморозки весной...

* * *

Лед растаял —
оказалось, что рыбы в пруду
и не исчислить...

* * *

Под палой листвой
вновь струятся вешние воды
к корням деревьев...

* * *

Сельская читальня
у кромки полей заливных,
где поют лягушки...

* * *

Один на дороге
слушаю трель соловья*,
что летит с предгорья...

* * *

Всё в нашем kraю
накрыла туманная дымка —
и меня тоже...

* * *

Воробышку в гнезде
осыпает цветочной метелью
яростный ветер...

* * *

На тропе луговой
я один — клич фазана донесся,
кажется, сзади...

* * *

Воробышко-птенец,
и эта цветущая редька,
и дождь, и ветер...

* * *

Шагают мимо,
к старой сливе не подходя,
местные крестьяне...

* * *

Водяная птица
осталась совсем одна —
отцветает слива...

* * *

Ливень ночной
так и хлещет по крыше рёкана,
где выставлены куклы...

* * *

С кем же в этом году
им весну провожать доведется?
Кисть и тушечница...

* * *

Поет соловей.
Стаял снег, обнажив на равнине
сухой валежник...

* * *

Как по-разному всё
В любви у парочек птичих!
Вешняя дымка...

* * *

Скоро лето придет,
но холодный ливень все хлещет —
деревья близ замка...

* * *

Родные края!
Заприметил односельчанку
в кустах азалий...

* * *

Как всегда, есть о чем —
толкует в дороге путник
с кустами азалий...

* * *

Что за прогулка!
Бескрайние дали видны
с борта парома...

* * *

Провожая весну,
собираются люди на берег,
к воде поближе...

5 мая 1926 года покидаю город

Ливень, пришедший с гор,
над цветами близ старого замка
сменился солнцем...

* * *

Спряталась луна.
По затылку и по коленкам
бежит холодок весенний...

* * *

Старая слива —
к жизни душу ее пробуди,
снежок весенний!

* * *

Небо в Новый год —
облака, застывшие в небе
пятицветной грядою...

* * *

Все по-своему —
но страдают от любви
лягушки весною...

* * *

С кем пойдет он весной
бродить по траве зеленой —
седовласый старик?..

* * *

На солнце весеннем
так и светятся пальые листья,
трава сухая...

* * *

Пчелиное гнездо —
как давно я не поднимался
на колокольню.

ЛЕТО

Солнце садится,
Но еще видны жнецы
на пшеничном поле...

* * *

В одиночестве
распустился здесь пион
близ большого храма...

* * *

Лунным вечером
мака белого цветы
шепчут: хоро-хоро...

* * *

За приютом моим
поле белого мака
в вешнем цветенье...

* * *

Большой Будда —
у статуи на плече
уселась кукушка...

* * *

Кличет кукушка —
до чего же она высоко,
древесная корона!..

* * *

Кличет кукушка —
перевал в горах Хаконэ*
в пору рассвета...

* * *

В пору рассвета
одинокий лодочник —
кличет кукушка...

* * *

Все глядят на нее,
любуются зрелищем Фудзи
в ясный майский день...

* * *

Летние дожди —
весело трусит лошадка
по тракту Токайдо...

* * *

Грядка клубники —
ягоды в лучах заката
прячутся под листвья...

* * *

Девочка с куклой* —
подкармливает ее
свежей клубникой...

* * *

Стоило улитке
отползти поглубже в лес —
и кончился ливень...

* * *

На древнем кургане
раскрылись во всей красе
белых лилий цветы...

* * *

Лилии в цвету.
Нагнувшись, женщина входит
в ворота храма...

* * *

Вот так и глазеет
на голую кручу горы
корова в жаркий день...

* * *

В палящий зной
рыбаки теснятся друг к другу
на перекатах...

* * *

В палящий зной,
разморившись, лодочник дремлет
около речки...

* * *

О эта прохлада!
Сквозь колышущийся бамбук
виднеется море...

* * *

О эта прохлада!
Тридцать тысяч ри* на восток —
лишь морские волны...

* * *

О эта прохлада!
Сквозь вечерний ливень луна
озаряет сосны...

* * *

Над прозрачным ключом
в деревушке все кровли крыты
длинной соломой...

* * *

Вечерний выонок.
В тусклом свете луны с работы
ремесленники бредут...

* * *

Так малы цветки
неприметного выонка —
и все раскрылись!..

* * *

Где-то жгут костер —
струйка дыма просочилась
сквозь деревья в роще...

* * *

Укрылся в роще
одинокой лилии цвет —
я видел его во сне...

* * *

Под сенью скалы
цветет она так неприметно,
белая лилия...

* * *

Ловля горной форели.
К моему валуну приило
лилии цветок...

* * *

Колокол бьет,
сотрясая листву молодую
по горным склонам...

* * *

Обед окончен.
Как печальны они на вид —
действии цветы!..

* * *

Вся облита росой,
что с веток павловнии каплет —
бедная куропатка...

* * *

Бамбук посадил —
будто бы и трех дней не минуло,
а уже полнолуние?!

* * *

Темень там, внизу.
Поспешают два-три пешехода
к Призрачному приюту*...

* * *

Он смотрел на пион,
но гусеницей мохнатой
был так напуган!..

* * *

Кукушка* поет —
и цветы на ветвях в эту пору
грусть навевают...

* * *

Водоросли цветут —
но цветы их одним порывом
срывает ветер...

* * *

Бабочка летит —
далеко унесло ее ветром
в летние луга...

* * *

Сбросила наряд —
а куда же сама подевалась
луговая змейка?..

* * *

Гвоздики цветок
в чаще леса, под сенью веток
действии ядовитой...

* * *

Выйдя из брички,
иду на голос цикад —
прохладно в храме...

* * *

Ягоды земляники
притаились в гуще травы
у ствола гнилого...

* * *

Хвоя падает с сосен —
и в шелесте каждой иглы
звуканье Дхармы*...

* * *

Соломенная шляпа,
озаренная светом луны
на ночной дороге...

* * *

Закрываю глаза —
и вижу вчерашние вишни,
гостиничных блох...

* * *

На вишенный цвет
в сумерки плеснул сакэ
хозяин дома...

* * *

Ягоды тута.
Вирши старых китайских поэтов
мне тешат сердце...

* * *

Я на сливу гляжу,
размышляя, как эту зелень
описать стихами...

* * *

В июньский денек
прохожу под сенью деревьев,
пронизанной светом...

* * *

Грозовые тучи —
но я все равно не уйду
с моей рыбалки!..

* * *

Из таверны бреду —
луна неясно белеет
сквозь клубы тумана...

* * *

Где-то рядом совсем —
над водой, из густой осоки,
голос цикады...

*На собрании поэтического кружка Карамацу
(«Лиственница»), посвященного открытию стелы
с выгравированным на ней моим хайку*

Уж и впрямь не душа ли
в камне запечатленных стихов? —
Голос кукушки...

* * *

Гуляю в полях.
Облака проплывают стайкой.
Цветы на терне...

* * *

Один светлячок
все вьется у стелы с хайку —
не улетает...

* * *

На цветущем лугу
я все еще слышу журчанье
реки во вчерашнем ущелье...

* * *

Высоко в небесах
и низко, над самой землею —
голоса насекомых...

Осень

Ранняя осень.
В поднебесье ястреб парит
над горами Ава*...

* * *

Ранняя осень.
Подле самого изголовья
слышен рокот моря...

* * *

Море скрылось во мгле.
Над горами Ава гуляет
ветер осенний...

* * *

Замолчали сверчки —
стало слышно, как росные капли
падают с листьев...

* * *

Ветер осенний.
Седовласая моя мать
живет в том доме...

* * *

Кузнечик в траве —
отчего-то вдруг прекратилась
долгая сказка...

* * *

В ярком свете луны
по ночной равнине несется
железная карета*...

* * *

Осенний ливень.
Я пишу путевые заметки —
один на свете...

* * *

Никого вокруг —
Только воет во мраке собака.
Поздняя осень...

* * *

Одинокий гусь
пролетел, чуть луны не касаясь,
осенней ночью...

* * *

Перекличка гусей
долетает сквозь окна вагона,
мчащегося под луной...

* * *

Облака на заре —
это осень идет, нависая
над перевалом...

* * *

Ранняя осень.
Ты сейчас где-то там, далеко...
Рокот прибоя.

* * *

Сосновая роща
на севере в горном краю —
хмурый дождь осенний...

* * *

На тысячи ри
Реки Небесной* теченье —
поток бесшумный...

* * *

Что за дивный вид!
на траве в сиянии лунном
росная россыпь...

* * *

Капли светлой росы
с листьев падают, навевая
грустные думы...

* * *

Хаги* в полном цвету.
Над лачугой едва заметен
народившийся месяц...

* * *

Плетеная шляпа —
кто шагает в осенний денек
через перевал?..

* * *

В обители горной
так тускло светит фонарь
осенней ночью...

* * *

Тучи с востока.
Колосья риса в полях
шепчут чуть слышно...

* * *

Провожаем осень —
ни тебе, ни мне ни о чем
сожалеть не стоит...

* * *

Шу-шу-шу — говорят
Листья, что опадают с ивы, —
шу-шу-шу-шу-шу...

* * *

Тощая собака
выползает из-под кустов —
изгородь в цветах хаги...

* * *

Ранняя осень.
Ввысь вздымаются сосны и кедры.
Руины замка...

* * *

Пью в гостинице —
за метровым окном видно Фудзи
в красе осенней...

* * *

Алые листья —
горы Дэва* уходят вдаль,
вершина к вершине...

* * *

Лоза выюнка,
а на ней лишь один цветок —
темно-багровый...

* * *

Рисую цветок —
одинокий выонок в обильной
зелени листвы...

* * *

Теплая осень —
в эту пору они и явились,
синие бабочки...

* * *

Холодный дождь.
Неубранный рис зелнеет
в полях осенних...

* * *

Ливень осенний.
Соболезнованья в письме —
человек скончался...

* * *

Деньги, что занимал,
клич гусей и пух от мисканта* —
всё развеял ветер...

* * *

Измочалил банан* —
и все не уговорится
ветер осенний...

* * *

Скорлупки ракушек.
В осенний день на прогулке
ласточки морские...

* * *

Осеннее море.
Человек — такой одинокий —
гребет в долбленке...

* * *

Осенний рассвет —
для полудюжины зрителей
под коричным древом...

* * *

На утесе видны
гигантских стоп отпечатки.
Студеная роса...

* * *

Над приютом моим
повсюду сияют звезды
Реки небесной...

* * *

Смотрю на выюнок,
растущий в цветочном горшочке —
и тут кто-то звонит...

* * *

В бамбуковой роще
пролетит порой мотылек —
осень так прохладна...

* * *

Меж каменных круч
все выше и выше в горы
летит стрекоза...

* * *

Унялись цикады —
и в окнах дома напротив
зажглись огоньки...

* * *

Сквозь клубящийся вихрь
я видел, как демоны бродят
средь бела дня...

* * *

Ранняя осень.
Посреди зеленой лужайки
один бурый колос...

* * *

Осенью ранней
пообедали с другом — и вот
снова расстались...

* * *

Капля светлой росы
на глазах у меня округлилась —
и вниз скользнула...

* * *

Куст патринии —
значит, здесь неподалеку
где-то есть вода...

* * *

Кто там сегодня
Пришел своих предков почтить?
Идут к могилам...

* * *

Вьются ласточки
и торопятся домой —
высоки травы...

* * *

Древнее поле битвы.
Дерево под дождем и росою
ведет свой рассказ...

* * *

Гуляю в полях
и нигде не встречаю знакомых —
только ромашки...

* * *

Взглянул невзначай
на родник, что бьет у дороги, —
и тут же ромашки...

Заночевав в хижине Мусё-ан

Капнет, всплеснет —
то ли роса, то ли нет.
Ночные звуки...

*Обдумывая «Записки о безграничном» Сики**

В этих твореньях
Дух прохладной приливной волны,
что Путь мой овеял...

* * *

Просто слушаю
этот шелест банановых листьев.
Звезды в лунную ночь...

* * *

Хризантемы цветут —
утром в белом, под вечер в желтом.
И всё тихо в доме...

* * *

Отчего же поэт
Не смыкает глаз этой ночью?
Небесная река...

* * *

На тропе луговой
сверчки не прервали песен,
когда я уходил...

* * *

Утром на холодке
почистил дорожное платье —
выбил пыль из него...

* * *

Осенний ветер —
на стене трепещет и бьется
свиток с письменами.

* * *

Лошадка трусит
по увядшему, сникшему лугу —
перестук копыт...

* * *

Ем суп из фугу*.
За окошком проходит мимо
рыжий иностранец...

* * *

Ветер осенний.
Вся дорога к водопаду
заросла травою...

* * *

А он всё поёт!
Одинокий сверчок в пучине
осенней бури...

* * *

На поле в горах
он один под вихрем осенним —
маленький крестьянин...

* * *

В обители горной
листья лотоса затеняют
свитки с письменами...

* * *

Сходил по грибы —
устал и, во сне, быть может,
вижу зелень сосен...

* * *

Бесконечная ночь —
уж слишком она побелела,
седая борода...

По дороге к постоялому двору

Лошаденка моя
собралась общипать всю зелень
вокруг могилы...

* * *

На цветущем лугу
я все еще слышу журчанье
реки во вчерашнем ущелье...

ЗИМА

В пору «малой весны»*
на шесте бельевом уселись
воробыи в рядочек...

* * *

Сумрак ночи накрыл
оголенные горы над морем —
стало так тихо...

* * *

В холодную ночь
одиноко скуют лисица
близ замка Тага*...

* * *

Удивительный вид!
Сквозь голые ветви деревьев
солнце — как на флаге*...

* * *

Застыло в воде
отражение пьющего волка*
под зимней луной...

* * *

В зимнее поле
он выбежал погулять —
маленький лисенок...

* * *

Равнина Мусаси* —
на корню засохший мискант,
расколотая луна...

* * *

Княжеский кортеж!*
Оголенные ивы в рядок
Вдоль тракта Токайдо...

* * *

Уходит луна.
Свой фонтан в небеса пускает
кит в морской дали...

* * *

Постоялый двор.
Выбивает сажу из рясы*
странствующий монах...

* * *

Зимний ветер подул —
в вышине над озерной гладью
звезды мерцают...

* * *

Ребятишки в храме
все тянут руки к огню
в железной бочке...

* * *

Бедные хризантемы!
Меж увядших цветов один
еще бодрится...

* * *

Зимний пасмурный день.
На уборной белые пятна
птичьего помета...

* * *

Интересно, о чем
толкуют эти мужчины,
проводя год*...

* * *

Призамковый город —
под пологом туч на заре
там и сям дымки...

* * *

После землетрясенья
еще, как на грех, напасть —
ужасный холод...

* * *

Нагие деревья.
В горах засохший помет
диких животных...

* * *

Соколиная охота —
словно ветка с зимним цветком
на рукавице...

* * *

Цветок нарцисса.
На рассвете зимнего дня
умерла камышовка...

* * *

Хижина Басё*,
обветшавшая совсем, —
но жаровня на месте!..

* * *

Вот так, созерцая
зимнее море вдали,
отдыхаю в храме...

* * *

В зимний денек
тепло на морском берегу —
но этот сухой мискант...

* * *

Убывает вода.
Высоко над рекой примостился
одинокий домик...

* * *

День за днем все слабей —
увядают мои хризантемы.
Выхаживаю...

* * *

Шелест листвьев саса.
В чаще леса еще видна
зеленая травка...

* * *

Вот и в тушечнице
Пересохла тушь, затвердела* —
холод крепчает...

* * *

Одна на троих
эта тушечница сегодня —
проводы года...

* * *

Дали дальние,
где я странствовал тогда!
Старый календарь...

* * *

В этот зимний день
вырубили пять деревьев,
а может быть, и шесть...

* * *

Мертвый зимний луг —
всё вокруг, похоже, пугает
мою лошадку...

* * *

Снежную стенку
сам слепил — но она закрыла
южные горы...

* * *

Свежий соевый сыр —
сам вкус его возвещает
истину Дхармы...

* * *

Эти сети в волнах
сегодня совсем без улова —
зимнее море...

* * *

Уж не тучи ли там
Собрались над волнами прилива?
Зимнее море...

* * *

У нас в читальне
те же люди, что всегда,
да еще печурка...

* * *

Деревья зимой.
Скрытый смысл моей картины —
в этой зимней речке...

* * *

Одиночно брожу —
и вижу там, за горою,
зимнюю реку...

* * *

Зимний короткий день.
В роще рядом с библиотекой
грай вороний под вечер...

* * *

Терпят голод и жажду
ради Дхармы, взыскуя Пути, —
деревья в храме зимой...

* * *

В хижине зимой
ископаемого зверя
рисую на картине...

* * *

Дрова поколол —
и теперь возраст дерева знаю —
затворничество зимой...

* * *

Палая листва
во дворе на ветру кружится
почти неслышно...

* * *

Из вечерней школы
выбежали прямо в снег —
и кричат «Пока!» друг другу...
(Домик в горах)

* * *

Какая радость —
видеть вновь синеву небес!
Снег лежит на крыше...

* * *

В центральном храме*
очищают крышу — и снег
падает с шумом...

* * *

Сокол кружит.
по снегу на горной вершине
ступает путник...

* * *

Камелия-малютка —
так тепло скользит снежок
по ее ветвям...*

* * *

Выбивают сажу —
так стараются, что хлопки
слышны через речку...

* * *

Горы дремлют вокруг —
и сквозь сон скуют заунывно
сосны где-то в роще...

* * *

Ущелье в горах —
сколько же домов укрылось
в гуще мисканта?..

* * *

В пору «малой весны»
в предвечерней мгле над водою
белесая дымка...

В храме Тикурин (Бамбуковый лес)

На тропинке в горах
хризантемы к земле прибиты, —
ливень без конца...

* * *

На зимнем ветру
тень облачка на утесе
гостила недолго...

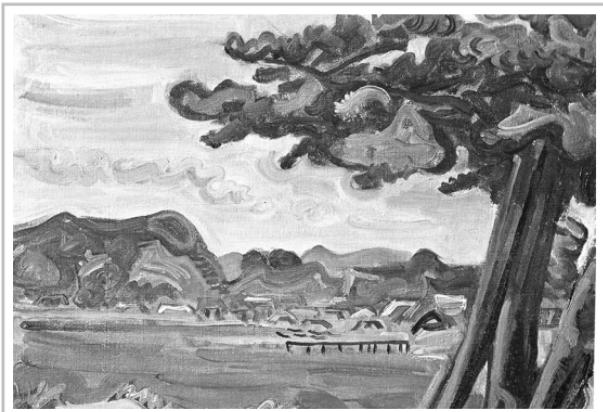
* * *

Чая цветы.
Отцвели здесь они — а люди
так и не узнали...

* * *

Увядшая трава.
Как сон, вдалеке исчезли
огни старой столицы...

ОДЗАКИ ХОСАЙ

Входил, выходил —
а цветы выонка у калитки
уж стали плодами...

* * *

На сосновую хвою
прямо в солнечное пятно
ставлю бамбуковый короб...

* * *

Что это там?
Рябятишки, видать, набрали
диких ягод в горах...

* * *

Сквозь летнее марево
по слуху иду на звук
воды журчащей...

* * *

Вдруг выпорхнул под вечер
воробушек одногий...

* * *

Через мост над рекой,
текущей так безмятежно,
долго-долго иду...

* * *

Убил муравья,
а он и убитый снова
ко мне явился...

* * *

Сколько уж дней
этот дождь поливает! —
Смотрим мы с воробьем...

* * *

Слушаю, как тает
и трескается лед —
болею дома...

* * *

Фото мое
времен далекого детства
все растрепалось...

* * *

Кончен фотосеанс —
на том и простился со мной
вечерний ветер.

* * *

В полдень прихлопнул комара —
и читаю газету...

* * *

Больше не стану
хулить напрасно людей —
лущу бобы...

* * *

Посреди жнивья
Рассматриваю клюв и глазки
случайной птицы...

* * *

Думаю о том,
как смести опавшие листья
с тростниковой крыши...

* * *

Сёдзи задвинул —
и тем одиночества грусть
усугубляю...

* * *

Холод крепчает.
У кромки воды намело
опавших листьев...

* * *

Позабыв, что снилось под утро,
вышел на прополку...

* * *

Снял и выбросил
любимый мой старый носок...

* * *

Простор небесный!
И шляпа не нужна...

* * *

Обезьянка зимой
одна сидит на цепочке
около чайной...

* * *

Осень в храме.
Раздвоенный ствол сосны...

* * *

Смастерил лачугу в горах —
рашь при ней хризантемы...

* * *

Этой дивной луной
в одиночку полюбовался —
и засыпаю...

* * *

Жив я и сегодня —
пронзительный стрекот сверчка
у белой стенки склада...

* * *

Развесил белье
сушиться на голых ветках
хурмы близ дома...

* * *

Крик младенца из дома —
подметаю дворик...

* * *

Взъерошил шерсть
на загривке бродячей собаки
осенний ветер...

* * *

Прилепился душой
к табачной лавке, где также
продают спиртное...

* * *

В облачный день
подметаю палые листья —
конца не видно...

* * *

Со страшным скрипом
закрываю створки ворот —
храм засыпает...

* * *

Пошел на покос —
оставляю калитку открытой...

* * *

Повстречался со стадом —
вся дорога в коровах...

* * *

Порция на одного —
промываю горсточку риса...

* * *

Рваный ботинок
разинул пошире рот.
День нынче ясный...

* * *

Плавает в пруду
лист, что птица стряхнула.
Поздняя осень...

* * *

Из больницы иду —
цветы вдоль дороги...

* * *

Подставляю руки —
Принять в подаянье плоды...

* * *

Подтаял снежок
вокруг одинокой лачуги...

* * *

Колесо водяное
прилепилось у самой кромки
горной дороги...

* * *

В зимнюю речку
мусор выбросил — и вернулся...

* * *

Обросшим лицом
наклоняюсь к жаровне...

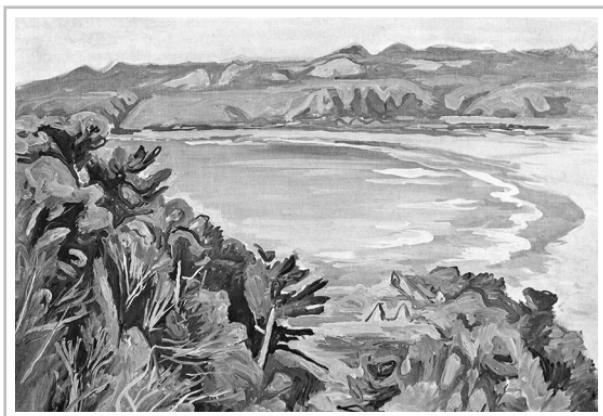
* * *

Пришлось одолжить
даже ножницы — постричь ногти...

* * *

Только изредка
запримечу муравья —
мой зимний дворик...

НАКАЦУКА ИППЭКИРО

Из книги
«СОБРАНИЕ ХАЙКУ ИППЭКИРО»

Чайки кричат в ночи.
Прохладная женская рука...

* * *

Холодная ночь —
гора за горой,
гора на гору находит вдали...

* * *

Трава зелена-зелена.
Коровы ушли...

* * *

В лунном сиянье
рыбачьих лодок огни
там и сям мерцают...

* * *

День-деньской
сидит он согбенно.
Красные клены...

* * *

В дождливую ночь
аромат хорошей сигары.
Женщина прикрывает грудь...

* * *

Весенней ночью
в комнате выпил воды,
не пролив ни капли...

* * *

Среди гор
светлые воды струятся —
весенняя река...

* * *

Северные горы
виднеются сквозь просвет
в сосновых кронах...

* * *

Взвиваются к небу
искры
от нашего костра...

* * *

На вишне зимой
в прозрачном воздухе вижу
набухшие бутоны...

* * *

Поле риса осенью —
женщина сидит
на рогожке...

* * *

Зимний денек.
Там, на белом маяке,
какие-то люди...

* * *

Вроде бы камень
рассмотрел в бамбуковой траве —
вот и весь мой осенний день...

* * *

Тепло движутся облака.
Люди входят в дом...

* * *

Меж деревьями в солнечном свете —
цветок горечавки...

* * *

Весенняя ночь.
Печалью одиночества веет
от анатомической схемы...

* * *

Вот здесь и помру —
разгребаю снег...

* * *

С ложа болезни
вижу там, вдали,
синеву зимнего моря...

* * *

Дом, где хочу умереть:
во дворе чтоб росла хурма
и луг виднелся цветущий...

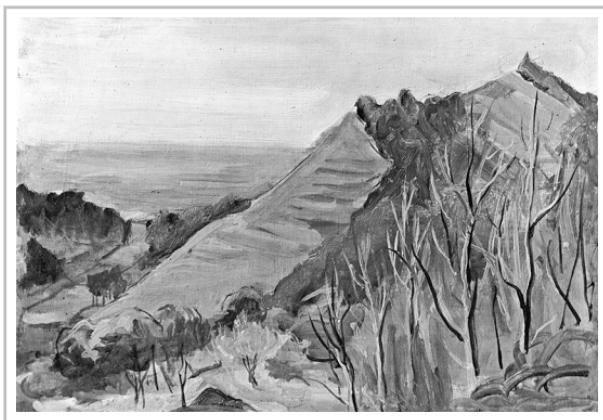
* * *

Ветер весенний —
налетает, как в первый день
моей болезни...

* * *

Стало ясно, когда умру —
когда на кустиках чая
распустятся цветы...

МАЭДА ФУРА

Из книги
«СОБРАНИЕ ХАЙКУ МАЭДА ФУРА»

Таянье снегов —
скребет своим ревом гору
бурная река...

* * *

Ветер в спину подул —
первым снегом путь заметает.
Поселок ночью.

* * *

Гора Сиранэ —
от светом мира иного
озарены снега...

* * *

Засохший мискант.
Гора Мидзугаки
вздымается в небеса...

* * *

Пик Комагатакэ —
от холода он обронил
несколько валунов...

* * *

Вешние звезды.
Асама*, девичья душа,
в эту ночь не спит...

* * *

В ожиданье весны
за зиму привязался торговец
к своей собачке...

* * *

Верещат сверчки.
Чай со мною вместе пьет
тень моя на стене...

* * *

А что, коль и впрямь
я кого-нибудь убил?! —
Светляк пролетел...

* * *

Воробы зимой —
хоть порядком отощали,
а все же дерутся...

На смерть жены

В доме я один.
Нечего освещать луне —
лишь стылая вода...

* * *

Утихла метель.
Словно с дерева сорванный лист,
луна восходит...

* * *

Зимнее море.
Человек сидит на скале —
поджидает рыбу...

* * *

Весна в разгаре —
дружно птицы гомонят
где-то в облаках ...

* * *

Снежок весенний —
падает себе пока
на морскую гладь...

* * *

Плод хурмы упал.
До чего же темно в этом доме,
где когда-нибудь я умру!...

* * *

Ясная луна —
ветви сакуры цветущей
в глубине реки...

* * *

С вершины горной
тропинка сбегает вниз.
Осенний денек...

* * *

Откуда бы вдруг?
Промелькнул в сиянье лунном
и скрылся крот...

* * *

Под созвездием Ориона
заснеженный мой приют.
Весна на исходе...

* * *

Укрытый снегом,
край Хида виден вдали.
Весна уходит...

* * *

Из-под сени дерев
вышли два или три человека.
Лунная ночь...

* * *

В сиянье лунном
под слоем густых облаков
вершина Ёмо...

* * *

Летние дожди —
проплывают по течению
деревца бамбука...

* * *

Летом косят траву,
сгребают ее и бросают
прямо в озеро...

* * *

На тропинке в горах
принесло откуда-то ветром
павловний цветок...

* * *

Перелетные птицы —
и следом за ними летит
сорванная листва...

* * *

В зимних горах
прокатилось и замолкло
дальнее эхо...

* * *

Верещанье цикад.
Со мною чай распивает
тень моя на стене...

* * *

Ранней весной,
возвещая пору рассвета,
звонит будильник...

* * *

Плакучая ива —
а за ней идет почтальон
с утренней почтой...

* * *

Хризантему срезаю —
пересохли губы.
Горный пик вдали...

* * *

Холода весной.
Постелю сегодня в два слоя
Медвежьи шкуры...

* * *

Бушует буран —
то появится, то исчезнет
одинокий путник...

* * *

Зимнее море.
На утесе сидит человек —
Поджидает рыбку...

* * *

Уходит весна.
Большие волны гуляют
по пруду в горах...

* * *

Пришел напиться —
а колодец весь укрыт
белесой дымкой...

* * *

Тучи в вешний день.
На тропинку в горах спустившись,
гуляет голубь...

* * *

Уходит весна.
Птичье гнездышко притулилось
над моим приютом...

* * *

В просторах небес
луна весенняя светит —
тени деревьев...

* * *

Вешняя луна.
Два приятеля-монашка
распевают песни...

* * *

Тают снега.
На рассвете в дверь постучался
весенний ветер...

* * *

Мотыжат поле —
прямо около могил
далеких предков...

* * *

Только и всего —
пара томиков стихов,
свеча вешней ночью...

* * *

Близится рассвет —
запевают на полях
песнь свою лягушки*...

* * *

На узкой тропе
рядом с крупом рабочей клячи —
цветок фиалки...

* * *

Вешнюю гору
скребет пронзительный треск —
тает лед на реке...

* * *

В лунных лучах
видна обложка журнала —
мартовский номер...

* * *

Под стрекою дома
днем купальню себе нагрел —
цветенье сливы...

* * *

Бамбук молодой,
открытый дождю и ветру,
в глубине сада...

* * *

Белых камелий
просвечивают цветы
в зарослях бамбука...

* * *

Лодка прошла —
под камелией заструилась,
вспенилась вода...

* * *

Сияет луна —
в глубине пруда отраженья
цветов прибрежных...

* * *

Возле лачуги
кожу сменила змея
посреди полей...

* * *

Ростки бамбука
проклонулись там и сям
в молодой листве...

* * *

Не колышется плющ —
таятся от человека
сумрачные дебри...

* * *

За крышей храма
просвет среди облаков —
летние дожди...

* * *

Снег по весне —
сугробы в тенистой чаще
тускло искрятся...

* * *

Вешнее море
отливает в закатный час
темно-зеленым...

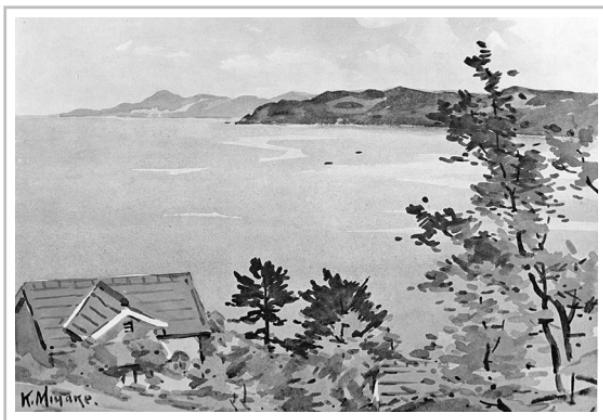
* * *

Откуда они?
Заиграли лунные блики
на листьях хмеля...

* * *

Летят с высоты
соловьиные звонкие трели
меж криптомерий...

СИБА ФУКИО

Белые гребни,
накрытые пеленой —
туман над морем...

* * *

Храм в горной глухи —
над камнем надгробным нависли
цветущие ветви...

* * *

С дневного неба
незаметно ушла луна.
Колосья мисканта...

* * *

Камелий цветы
опадают и на земле
тихонько блекнут...

* * *

Люди вошли,
за собой у ворот оставив
позднюю весну...

* * *

Залили водой,
потом опять осушили —
мотыжат поле...

* * *

Уходит весна.
Так далек от моей постели
месяц над бором...

* * *

Птичье гнездо —
а вокруг шуршат листья саса
под вешним ветром...

* * *

Родные края.
На зубчатой стене меж камнями
свет вешней луны...

* * *

Остатки снега —
но уж ветки яблонь в саду
полны цветами...

* * *

Мостик дощатый —
отраженье поздней весны
в водах потока...

* * *

Шум водпада
вперемежку со звоном цикад.
Сезон дождей...

*По дороге от храма Тюдзэн-дзи к «Полю боя»**

Туман на горах.
Дух медовый плывет над лугом —
ирисы в цвету...

* * *

Колокольчик-фурин.
Небосклон так густо усеян
россыпью звездной!..

* * *

Около пруда
принимает детвору
паучье племя...

* * *

Вот вышла луна —
и во мраке тускло мерцает
комариный рой...

* * *

Дождливый сезон —
но цикады уже потихоньку
 заводят песню...

* * *

Собираю хворост.
Только веточка хрустнет порой
в тиши осенней...

* * *

Осенняя ночь.
Как картина, на перегородке —
черные тени...

* * *

Пожухла трава,
но осенним бабочкам хватит
и ее метелок...

* * *

Роса поутру
на траве обратилась в иней
вдоль горной тропки...

* * *

Палые каштаны.
Только скажешь что-нибудь —
отзовется эхо...

* * *

Наутро снялись —
и в путь по росе осенней.
Ночлег студентов...

* * *

Старый городок.
Унылые переулки.
Поздняя осень...

В больничной палате

Всю ночь напролет
за окном так ярко сияют
звезды в поднебесье...

* * *

Ветер подул —
и вот уже летней жары
нет и в помине...

* * *

Стреляю уток.
Какой ароматный дух
в плавнях прибрежных!..

* * *

Меж осенних лугов,
то под гору, то снова в гору
ведет тропинка...

* * *

Оголенные ветки
устремлены в синеву —
дерево без листьев...

* * *

Ночлег мой в горах —
дом под сенью голых деревьев.
Воют собаки...

* * *

Выпил воды —
и остался привкус крапивы.
Лавочка в горах...

* * *

Пятна бурой травы
там и сям расположились по снегу —
зимняя лощина...

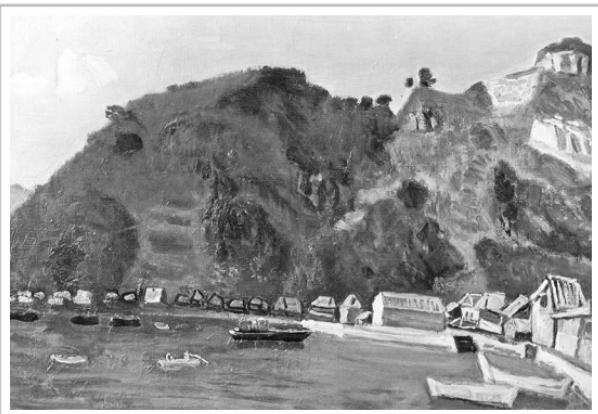
* * *

Зеленый склон.
Вешний цвет растеряли клены —
остались листья...

* * *

Рой светляков,
затаившийся над водою,
улетел под утро...

ХАРА СЭКИТЭЙ

Высоко в горах
клонятся цветы под ветром —
особенно ромашки...

* * *

Тени от цветов —
наступил на их смешенье.
Луна над обрывом...

* * *

Осенний денек.
По мосту через ущелье
переходит кошка...

* * *

Горная речка —
и та волнами пошла.
Осенний вихрь...

* * *

В тоскливой тиши
снова бьет он в свой гонг,
лесной обходчик...

* * *

Высоко-высоко
бабочка перепорхнула
глубокую падь...

* * *

На срезе пня
примостился соловей.
Пятая луна...

* * *

Под сенью горы
даже птиц водяных не видно —
темная глубь...

* * *

На исходе весны
дождливая ночь в ущелье
сменилась светом...

* * *

К самой двери купальни
из лощины он накатил —
туманный сумрак...

* * *

И в горной глухи
ночь полна оглушительных воплей —
кошачья любовь...

* * *

И в такую высь
взлетела бабочка снизу!
Глубина ущелья...

* * *

Эти краски гор!
В ведерке моем так и плещет
пойманная форель...

* * *

В осеннее небо
упирается горный пик —
будто совсем рядом!..

* * *

Берег моря скалистый —
и, конечно, орел
сидит на утесе...

* * *

В унылой тиши
снова гонг прозвучал — должно быть,
лесной обходчик...

* * *

Сегодня утром
где-то вновь породило море
моллюск гребешка...

* * *

Осенний ветер.
Две тарелки передо мной
с разным рисунком...

* * *

Мать на ложе болезни —
осенний засохший луг
виден сквозь сёдзи*...

* * *

Таянье снегов.
На западе солнце сияет
прямо над портом...

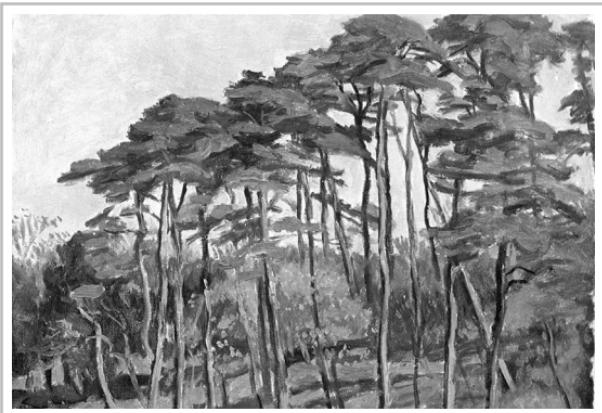
* * *

Меж сухих ветвей
белым облаком вспорхнула
стайка тидори*...

* * *

Головы задрав,
гуси из травы глядят
туда, на солнце...

ХИНО СОДЗЁ

Из книги
«Собрание хайку Содзё»

Название судна
читаю в свете луны —
вот он, порт...

* * *

Сливы белый цвет
в лучах заходящего солнца —
людей голоса...

* * *

Весенняя ночь —
непорочную девицу
в жены я беру...

* * *

Вешний светильник
у изголовья постели
жена погасила...

* * *

Аромат этих роз
в нашу первую ночь —
понемногу светает...

* * *

Весь долгий день
Так с тобой и проведем,
Рук не разнимая...

* * *

Вышла из ванной —
так мне мило ее естество.
Весенний полдень...

* * *

В аппетитности
тостов, поданных на завтрак,
некое бесстыдство...

* * *

Откусил кусочек
водянистого сельдерея —
вот она, весна!

* * *

В июле
холодный суп на столе —
такой прозрачный!..

* * *

Только перекатил
зеленую дыню —
пахнуло сладким духом...

* * *

Очень бережно
на колени ее кладу —
мандолина...

* * *

Жар у больного.
В синеве небес пролетела
стая журавлей...

* * *

Ранней весной
далеко разносится в чаще
рокот быстрины...

* * *

В этом бренном мире
так тоскливо просыпаться
после дневного сна...

* * *

Осенний ветер —
тень облака проскользнула
по Восточным горам*...

* * *

Слышно, как дождь
во дворе барабанит
по листьям банана...

* * *

Где-то там, за сёдзи,
соловей свою трель выводит —
впервые в этом году...

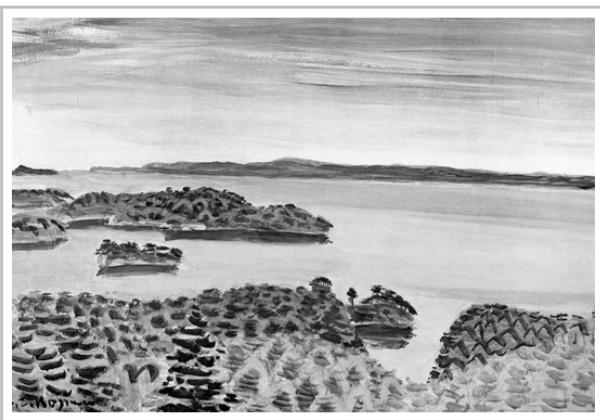
* * *

Деревья и травы
все будто притихли —
начало сезона дождей...

* * *

Каждое утро
выхожу на огород —
окучивать тыквы...

ХАСИМОТО ТАКАКО

Из книги
«СОБРАНИЕ ХАЙКУ ХАСИМОТО ТАКАКО»

Светляки в плетенке —
как стемнеет, встряхну их слегка,
огоньки разжигая...

* * *

Луна сквозь туман —
так красива, что любоваться
буду ночь напролет...

* * *

Молнии вспышка.
На севере полыхнет —
и виден север...

* * *

Лунный диск в небесах
и диск озера заледеневший
озаряют друг друга...

* * *

Снежный денек —
я в купальне грустно и нежно
оглаживаю за пальчиком пальчик...

* * *

Зацветает мак —
в эту пору тоска проникает
до кончиков волос...

* * *

Ярится метель.
Как же много еще мне хотелось
написать стихов!..

* * *

Выщипаны,
лежат куриные перья
в свете зимней луны...

* * *

Лезвие ножа
врезало белый персик,
в косточку вошло...

* * *

По тропке иду —
покрытый россыпью росной
цветущий плющ...

* * *

Извозчик в санях
будто бы нахлобучил на шапку
созвездие Плеяды...

* * *

При свете луны
в комнате на другое место
переставила стул...

* * *

Цветущий каштан —
отстригла веточку
с щемящим хрустом...

* * *

Только хвост мелькнул —
и в тумане лунной ночи
растаяла лиса...

* * *

Мать и дочь
всю ночь играют в карты —
впору плакать от одиночества...

* * *

Фугу на тарелке —
сполосну на всякий случай
еще разок...

* * *

Осеннее поле пшеницы.
На груди осталась метка
от зубок малышки...

* * *

Снежная выюга.
В долгом поцелуе
дыханье затаила...

* * *

Маки зацвели
в день, когда тоска проникает
до кончиков волос...

* * *

В ожидании
застыла большая сосна,
чуть тронута снегом...

* * *

В воробыином гнезде
к тонким веточкам примешалась
красная нитка...

* * *

Закатное солнце
просветами между цветов —
грозди глициний...

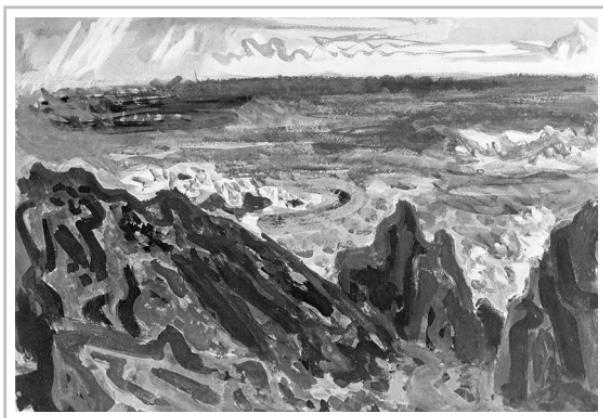
* * *

Прямо передо мной
чернеют контуры Фудзи —
сумрак осенний...

* * *

Диск полной луны
и диск зимнего озера ночью
сияют друг для друга...

САЙТО САНКИ

Из книги
«СОБРАНИЕ ХАЙКУ САНКИ»

Голова очереди
глубоко погружена
в недра здания...

* * *

Очередь
что-то откусила —
теперь заглатывает...

* * *

Очередь
безлико вздыхает
и ждет...

* * *

Хиросима —
сосна в вечерних тенях
умирает стоя...

* * *

Хиросима —
увидел яблоки,
и дышать стало легче...

* * *

Лотосы после зимы —
пришла пора им встрепенуться,
и все встрепенулись...

* * *

Темнота, жара —
я в толпе со всеми вместе
жду фейерверка...

* * *

Осенний сумрак —
вот и скелет большой рыбы
море смыло волной...

* * *

Клюем понемногу —
человек с вырезанным желудком
и воробышко зимой...

* * *

Снег все валит и валит,
валит без конца...

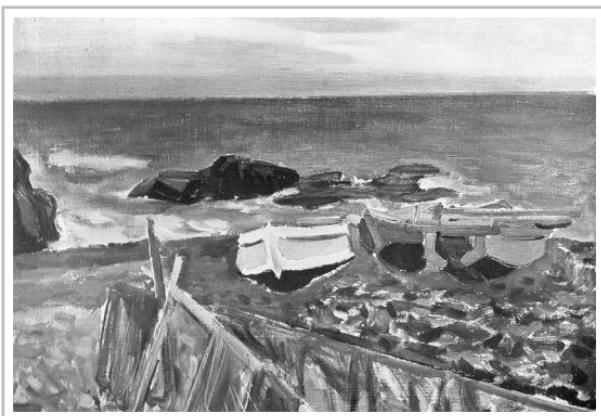
* * *

Какое лицо!
Упавшее пугало в поле...

* * *

Люди так далеки —
а близко лишь вешний месяц
да кончина моя...

СУГИТА ХИСАДЗЁ

Из книги
«СОБРАНИЕ ХАЙКУ ХИСАДЗЁ»

Над цветами вьюнка
летучие муравьи
кружат в полумраке...

* * *

Раскрылись цветы вьюнка —
мутнеет над городом небо...

* * *

Скоро осень:
купила в лавке ставриду
цвета сапфира...

* * *

Тень моего зонта —
как на темном кругу белеют
эти ромашки!

* * *

Штопаю носки —
Норой* я так и не стала,
учительская жена...

* * *

Как хочет поет
горная кукушка,
рассыпая эхо...

* * *

Песенка летит
ввысь, к темно-лиловой туче —
играют в мячик на нитке...

* * *

Наряд из цветов
я сброшу — скорей бы распутать
разные шнурочки...

* * *

С опозданием
в поле у моих ворот
закончили сажать рис...

* * *

Ставила в вазу пион —
и вот,
с ужином припозднилась...

* * *

Дождик полил
на поля, где землю
только что вскопали...

* * *

Дзамбоа* в цвету —
это май принес собой
сиянье солнца...

* * *

Холодно в горах —
поскорей раздуть жаровню
в «Гнезде журавлином»*...

* * *

Над вершинами
эхом прокатился звонкий
журавлиный клич...

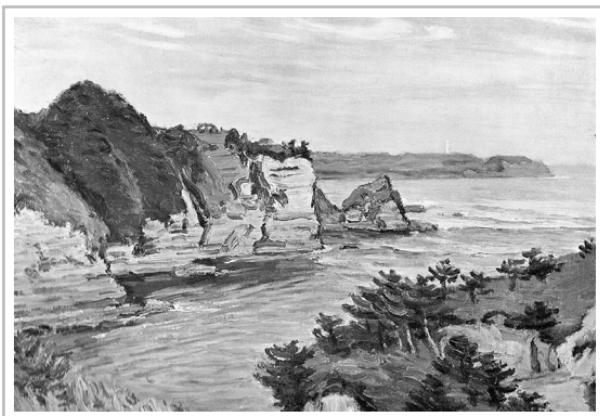
* * *

В колокол быю,
озарена луною —
гулкий отголосок...

* * *

Театр Кабуки
ярко светится сквозь дождь
весенней ночью...

МАЦУМОТО ТАКАСИ

Из книги
«СОБРАНИЕ ХАЙКУ МАЦУМОТО ТАКАСИ»

Цветок нарцисса —
древним бронзовым зерцалом
раскрывается венчик...

* * *

Как дар бесценный
приемлю осенних дней
вешнюю ясность...

* * *

Дней моих покой
поколеблен этим видом —
луна тринадцатой ночи*...

* * *

Зимние горы
неприветливы нынче ко мне,
голос мой глушат...

* * *

Бом-бом-бом-бом-бом —
барабаны бьют в ночи.
Луна и цветы...

* * *

Во сне танцую
прекрасные танцы Но* —
хижина зимою...

* * *

Пока дождь поливал,
дома упражнялся в танцах —
а тут и разгулялось...

* * *

Осеннюю ночь
проводжу один в комнатушке
«веселого дома»...

* * *

Из-под сетки москитной
на заросли утром гляжу —
ну вот и осень...

* * *

Снеговик стоит —
слушает, как без умолку
болтают в небе звезды...

* * *

Взглядом ищу
овода, что так гудит
в далях небесных...

* * *

Вдруг прекратился
снегопад, что алую сливу
пригибал к земле...

* * *

Туман уходит —
и вдогон наплывает туман —
озеро в горах...

* * *

С острова Агадзи*
гляджу — и вижу вдали
горы полуострова Кии...

* * *

Все ветви груш
на деревянных подпорках
усыпаны цветами...

* * *

На лепестках и на листьях
налет цветочной пыльцы —
пионовый куст...

* * *

Как красивы следы
отступившей волны прибоя —
яркие ракушки!..

* * *

Бутоны цветов
на ветках уже набухли —
прямо в небесах...

* * *

Погожая осень —
на радостях где-то оставил
дорожный посох...

* * *

За солнцем вослед
уже луна поспешает —
зимнее небо...

* * *

Посмотрел на ростки —
и пришел с заливного поля,
просветлев душою...

* * *

День кончины Сайгё *—
и не хочется никуда
выходить из дома...

* * *

Влюбившийся кот
с красной ленточкой убегает —
спешит к подружке...

* * *

Гнездо белоглазки* —
Я один лишь знаю о нем.
Никому ни слова!

* * *

На посох присев,
серебристым теплым сияньем
бабочка лучится...

* * *

След волны на песке
так бесподобно красив!
Ракушка-теллина*...

* * *

В комнате у отца
куклы-хина*, что расписал он
своей рукою...

* * *

Припозднился нынче —
и завтракаю один.
Цветенье сливы...

* * *

Алая слива* —
какие большие цветы,
но как их мало!..

* * *

Лежат на земле
лепестки отцветающей сливы —
словно ракушки...

* * *

Под вишней в цвету
пруд в парке неподалеку —
головастики...

* * *

Уносит поток
цветы, что срывает с камелий
яростный ливень...

* * *

Южное море
бурлит и клоочет внизу —
камелии на утесе...

* * *

Тают снега.
Камелии подравнялись,
растеряв цветы...

* * *

В окружении сосен
раскинулся так привольно
персиковый сад...

* * *

Груша цветет —
для нее одной и стараюсь,
мастерю подпорки...

* * *

Пройдя перевал,
выхожу к полуострову Идзу* —
аромат цветов...

Bo время болезни

Сурепки цветы
лунной ночью под легким бризом —
все как и прежде...

* * *

Одуванчики —
большие шары так похожи
на облачка в небе...

* * *

Устали цветсти —
и легли отдохнуть немного
желтые нарциссы...

* * *

Набухший бутон —
словно палец, что указует
в середку неба...

* * *

Иду в полумгле
и вижу повсюду на ветках
темные бутоны...

* * *

Живу на водах.
Днем прилег немножко соснуть
на галерее...

* * *

Остров Осима* —
давненько здесь не бывал.
Просвет в пору дождей...

* * *

Иду, погружен
в несмолкаемый рокот ливня —
свежая зелень...

* * *

Прижался лицом
к стеклянной двери веранды —
дождь в лунных бликах...

* * *

Дон-диги-дон —
звенит ветряной колокольчик*
под осенним ветром...

* * *

Отцветший пион —
к зиме иссиня-лиловы
жухлые листья...

* * *

Кончается год.
Оглянувшись назад, итожу
все свои хайку...

* * *

Следом за солнцем
уже спешает луна —
зимнее небо...

* * *

Тучи идут —
как видно, быть снегопаду.
Нагие деревья...

* * *

Деревья голы —
даже ворон не видать
в парке Уэно*...

КАВАБАТА БОСЯ

В прозрачной росе —
всего и конец, и начало —
отблески зари...

* * *

Словно алмаз,
одиноко лежит на камне
капелька росы...

* * *

Банановый лист —
мандалой* от края к краю
росная капель...

* * *

В прозрачной росе
Серебром и золотом
радуга горит...

* * *

В прозрачной росе
нежно-розовые лапки
дохлого крота...

* * *

Абрикосы в цвету.
Благовещеньем звучит
трепетанье крыльев...

* * *

В тумане меж берез
слышны отголоски рева —
водопад Кэгон*...

* * *

При свете луны
бороздам никуда не скрыться
на покрове снежном...

* * *

До чего похож
на рисовый колобок
остаток снега...

* * *

Редъкой груженый воз —
лошадь, морду повернув,
грустно скалит зубы...

* * *

Вслед рыбаку
цветы на лугу беспечно
порой качнутся...

* * *

Радует глаз
хурма шарами на ветках —
где красный, где желтый...

* * *

Налитый соком,
в белой миске темно-багровый
крупный виноград...

* * *

Маленький храм —
на ограде в камнях застрияла
палая листва...

* * *

Влажный туман
окутал плотным покровом
листья банана...

* * *

И свет, и мрак
затаили в отблесках лунных
листья банана...

* * *

Короткий день,
озаренный долгим багрянцем
зимнего солнца...

* * *

Горяча до слез
миска рисовой каши под вечер.
Зимние дожди...

* * *

Зимние дожди —
к миске рисовой каши добавлю
маринованной сливы*...

* * *

Зимние дожди —
как свирель, в огне напевают
коленца бамбука*...

* * *

Зимние дожди —
балуют монашки чрево
чем-то горячим...

* * *

В доме у меня
развятся мыши, как дети, —
зимний дождь в полумгле...

* * *

Снег в свете луны —
окрашенный синевою
мрак зимней ночи...

* * *

На снежный покров
изобильно сыпятся с неба
снежные хлопья...

* * *

Сосульки в рядок —
Все длинные, как на подбор,
одна другой длиннее...

* * *

Зимняя луна
проплывает в холодном небе —
так одинока...

* * *

Зимняя луна.
Чернее черной дыры
бредет собака...

* * *

Колокольня храма —
словно башня замка вдали.
Зимние горы...

* * *

Брезжит рассвет.
На складской стене вся промерзла
стайка воробьев...

* * *

Воз редьки тяжел!
Морда лошади — лик бодхисатвы,
слезы на глазах...

* * *

Воз редьки везет —
лошадь жалобно-жалобно скалит
передние зубы...

* * *

Холод ранней весной —
в глубине бамбуковой рощи
водопад замерзший...

* * *

Вешняя заря —
Так бесшумно ложится снег
на цветы пиона...

* * *

Весенний вечер.
всеми красками сверкает
горка леденцов...

* * *

Первые цветы.
Из-за частого бамбука —
утреннее солнце...

* * *

В облаке цветов
голуби — так и мелькают
яркие крылья...

* * *

Редька цветет.
Утащив колокольчик, играет
черная кошка...

* * *

Над чащей лесной
в синеве бескрайнего неба
бабочки вьются...

* * *

Одна бабочка —
ей достанется вся лазурь
над снежным пиком...

* * *

Молодой бамбук —
всего-то пять-шесть тростинок,
словно пучок розог...

* * *

Пока я смотрел,
солнце спряталось — и муравейник
в тени остался...

* * *

Змея уползла.
От травы ложатся на землю
лиловые тени...

* * *

Цветущий пион —
два цветка склонились друг к другу,
влекомы ветром...

* * *

Лепестки пиона
опадают на листья его,
в траву ложатся...

* * *

Положив рядом хурму,
день за днем лежу — примеряюсь
писать натюрморт...

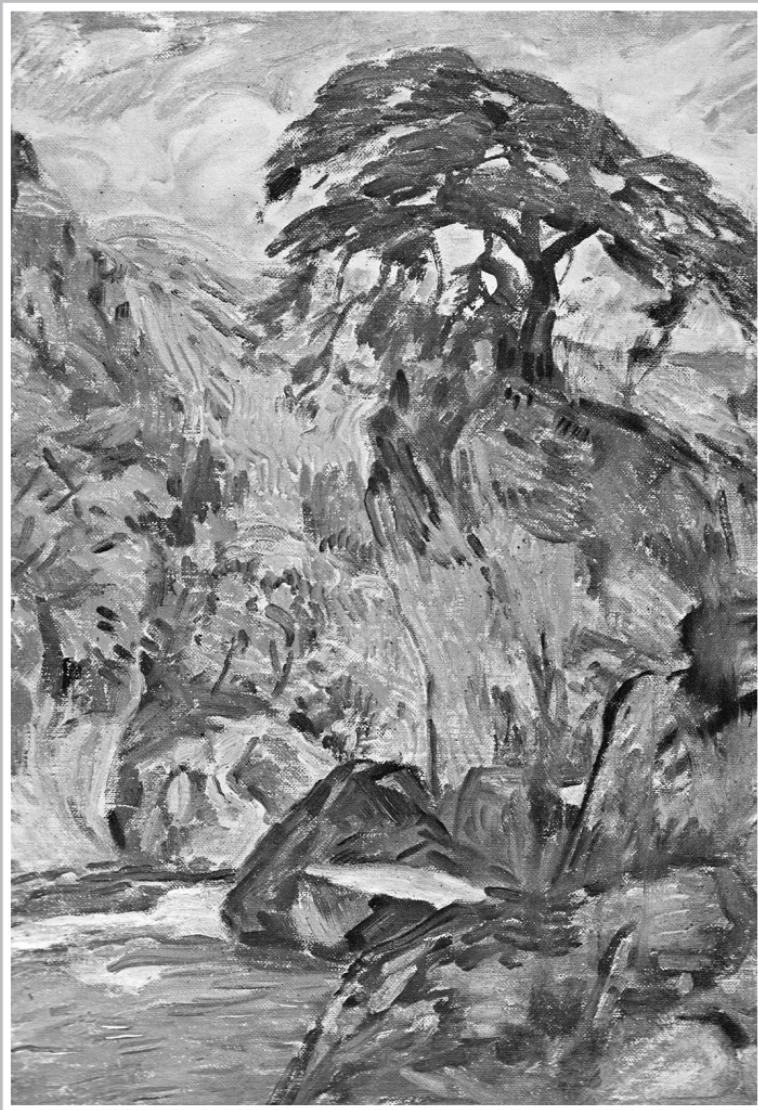
* * *

Под ветром осенним
мои легкие —
словно флаголет...

* * *

Изголовье — что камень.
Уж не цикада ли я?
Все пою, заливаясь слезами...

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Поэзия танка

Ёсии Исаму (1886—1960). Родился в Токио. Поступил на экономический факультет университета Васэда, но не закончил, целиком переключившись на литературную деятельность. Его первые романтические опыты в жанре *танка* были восторженно встречены кружком поэтов «Мёдзё», стремившегося противопоставить филистерской морали буржуа пафос истинной страсти. Впоследствии Ёсии примкнул к кружку «Субару» и вплоть до 1920-х годов оставался одним из ведущих мастеров *танка*.

Лирику Ёсии отличает богемная, подчас несколько претенциозная раскованность. В историю литературы он вошел как певец вина и любви, как вечный бродяга и завсегдатай «веселых кварталов», черпавший вдохновение в мимолетных романах. Однако в действительности образ Ёсии Исаму гораздо сложнее. Стихи его наполнены глубоким философским содержанием и во многом отражают искания творческой японской интеллигенции первой половины XX века. В предвоенные и послевоенные годы характер лирики Ёсии заметно меняется: на смену бурным эмоциональным всплескам приходит тихая грусть. В зрелом творчестве Ёсии наметилось возвратное движение к классической традиции *танка*, от которой поэт сознательно стремился отмежеваться в юные годы. Среди многочисленных поэтических сборников Ёсии Исаму особой популярностью пользуются ранние книги: «Хмельной бред» (1910), «До вчерашнего дня» (1913), «Песни квартала Гион» (1915) и др.

Сасаки Нобуцуна (1872—1963). Сын известнейшего филолога и поэта «национальной школы», потомственный ученый, Сасаки Нобуцуна с детского возраста зарекомендовал себя как

吉井
勇

Есии Исаму

佐々木
信綱

Сасаки Нобуцуна

вундеркинд, читающий древние тексты. Окончив в шестнадцать лет факультет японской классической литературы Токийского университета, он впоследствии всю жизнь преподавал и изучал японскую классику. В своих танка Нобуцуна, главный редактор популярного поэтического журнала «Кокоро-но хана» («Цветы сердца») стремился вдохнуть новую жизнь в старинный жанр. Его лирику «новой волны» отличает чрезвычайное разнообразие тематики и гармоничная изысканность стиля, далекого от навязчивого архаизма. Основные стихи опубликованы в «Собрании танка Сасаки Нобуцуна» (1962).

Аидзу Яити (1881—1956). Уроженец г. Ниигата, Аидзу Яити в ранней юности встретился с Масаока Сики, что и определило его дальнейший жизненный путь. Став учителем английского языка, Аидзу Яити продолжал писать танка в стиле «отражения природы». Его излюбленная тема — поэтическое описание древних храмов. Выдающийся поэт танка, Аидзу был также искусным каллиграфом и занимался росписью керамики. В 1924 году дебютировал сборником танка «Новые песни южной столицы». В дальнейшем выпустил множество книг. Основные поэтические произведения вошли в «Собрание сочинений Аидзу Яити» (1951).

会津
八一

Аидзу Яити

尾上
斎舟

Оноэ Сайсю

Оноэ Сайсю (1876—1952). Настоящее имя Оноэ Хатиро. Уроженец префектуры Окайма, Сайсю окончил факультет японской литературы Токийского университета. Дебютировал одновременно как поэт танка и киндайси, но в дальнейшем почти полностью переключился на танка. Выступив в 1911 году с революционным манифестом «Мои суждения о самоуничтожении танка», он в дальнейшем стал крупнейшим теоретиком жанра, способствуя обновлению и укреплению танка в XX веке. Опубликовал множество сборников танка, среди которых стоит упомянуть «Вечный день» (1910), «Белая дорога» (1914), «Цвет неба» (1919), а также более поздние: «Пасмурное утро», «Иду и пою», «Чистая река».

Маэда Югурэ (1883—1951). Настоящее имя Маэда Ёдзо. Уроженец центральной префектуры Канадзawa, Югурэ начал путь в поэзию под руководством Ёсано Тэккана и Ёсано Акико со страниц журнала «Мёдзё», но вскоре отошел от романтизма и переключился на танка «натуралистического» направления, основав общество танка «Хакусуйся». На формирование его стиля оказали большое влияние поэты-сенсуалисты Хагивара Сакутаро и Муроо Сайсэй, а также известные художники-модернисты начала XX века. Во время войны сотрудничал с милитаристскими властями

前田夕暮

Маэда Югурэ

石原純

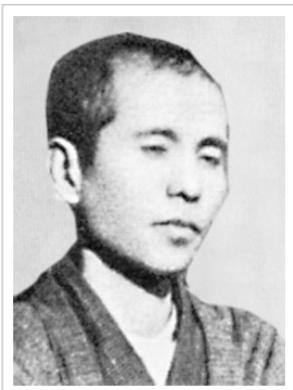
Исихара Ацуси

и писал в основном ура-патриотические танка, но в послевоенные годы чистосердечно раскаялся и вернулся к лирике природы. В позднем творчестве Югурэ много экспериментировал с формой и ритмикой танка, пытаясь выйти за пределы обыденного и не довольствуясь простым «отражением натуры». Лучшие произведения Маэда Югурэ вошли в сборники «В дни нашей жизни» (1914), «Дремучий лес» (1916), «У истоков» (1930), «Зеленые дубы поют» (1940), «Пашня» (1946).

Исихара Ацуси (1881—1947). Родился в Токио. Учась на факультете теоретической физики Токийского университета, начал публиковать танка в центральных журналах и газетах. Был активным участником журнального поэтического сообщества «Арааги». Был лично знаком с Альбертом Эйнштейном. Со временем под влиянием физических теорий стал экспериментировать в области свободного ритма и начал пропагандировать собственную модернизированную систему стихосложения в своем журнале «Новые танка» («Син танка»). Опубликовал ряд работ по поэтике танка. Основные поэтические произведения опубликованы в «Полном собрании современных танка» (1932).

西村
陽吉

土田
耕平

Нисимура Ёкити

Цутида Кохэй

Нисимура Ёкити (1892—1959). Коренным токиец, Ёкити был приемным сыном владельца крупного книжного магазина. Со школьных лет увлекшись литературой, он рано начал печататься в поэтических журналах. Увлекался творчеством Исикава Такубоку, Китахара Хакусю, Симаги Акахико, при этом стремясь сохранить индивидуальность стиля. Под влиянием демократических течений эпохи Тайсё Ёкити экспериментировал с введением в поэтику танка элементов разговорного языка. Опубликовал сборники танка «Ясный день», «Зеленое знамя», «Оранжевое» и мн. др.

Цутида Кохэй (1895—1940). Родился в префектуре Нагано. Рано потеряв родителей, Кохэй испытал немало невзгод в детстве, что наложило отпечаток на тональность его лирики. Был одним из лидеров прославленного объединения поэтов танка «Арааги». Жил преимущественно в провинции, на склоне лет перебравшись из древней столицы Нара в родные горы Нагано. Известен как непревзойденный мастер поэтического пейзажа. Автор многочисленных сборников танка и книг детских сказок. Лучшие поэтические произведения вошли в книги «Зеленые криптомерии» (1912) и «Снега» (1933).

石井
露月

Исии Рогэцу

尾崎
放哉

Одзаки Хосай

Поэзия хайку

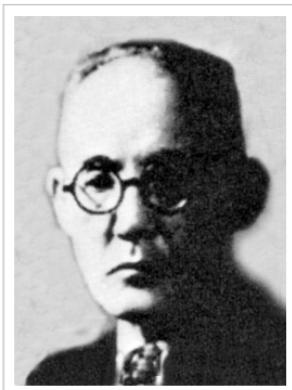
Исии Рогэцу (1873—1928). Настоящее имя Исии Сукэхару. Родился в глухой деревушке на северо-западе Хонсю, в нынешней префектуре Акита. Со школьной скамьи увлекся творчеством Масаока Сики, рано начав сочинять хайку и канси (стихи на китайском). Переехав в Токио, стал одним из лучших учеников Сики. Некоторое время работал корреспондентом в столичных газетах. Затем поступил на медицинский факультет и по окончании вернулся на родину, в Акиту, где и прожил всю оставшуюся жизнь, работая земским врачом. Продолжая традиции школы Сики, Рогэцу официально не примыкал ни к одному из магистральных направлений хайку, что и помогло ему выработать оригинальный неповторимый стиль. Лучшие произведения опубликованы в посмертном сборнике «Собрание хайку Рогэцу» (1934).

Одзаки Хосай (1885—1926). Настоящее имя Одзаки Хидэо. Родился в городе Тоттори. В раннем возрасте увлекся хайку нетрадиционного направления под влиянием творчества Огивара Сэйсэнсуй. По окончании Токийского университета некоторое время работал в крупной компании, но был уволен за пристрастие к спиртному. Продолжая во множестве писать хайку эзистенциального характера, Хосай постригся в монахи и несколько лет вел аскетический образ жизни, переходя

中塚
一碧樓

Накацука Иппэкиро

前
田
普
羅

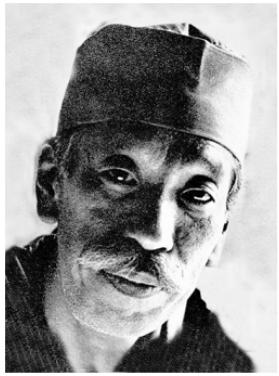
Маэда Фура

из храма в храм. Он безвременно скончался от скоротечной чахотки. Основные произведения поэта вошли в посмертные книги «Небосвод» (1926) и «Собрание сочинений Одзаки Хосай» (1927). Наряду с Танэда Сантока считается культовым дзэнским поэтом XX в.

НАКАЦУКА ИППЭКИРО (1887—1946). Настоящее имя Накацука Наосабуро. Родился в префектуре Окаяма в семье владельца солеварни. По окончании школы перебрался в Токио, где крестился и примкнул к движению за модернизацию хайку. Пропагандировал отказ от традиционной ритмической структуры в 17 слогов, традиционной образности, сезонных слов и архаичной грамматики. Основные произведения поэта опубликованы в длинной серии сборников, названия которых отражают их порядок следования и иногда место создания: «Второй сборник Иппэкиро» (1920), «Третий сборник Иппэкиро. Утро» (1924), «Четвертый сборник Иппэкиро. Река Тама» (1928), «Пятый сборник Иппэкиро. Лужайка» (1932) и т. д.

МАЭДА ФУРА (1884—1954). Настоящее имя Маэда Тюкити. Уроженец Токио, Фура с детства увлекся поэзией. Он поступил в университет Васэда, но ушел со второго курса и, переменив несколько профессий, в конце концов стал профессиональным литератором. Как официальный ученик Такахама Кёси,

原石鼎

Хара Сэkitэй

芝不器男

Сиба Фукио

он писал в манере пейзажной лирики «Хототогису», но сумел при этом создать особый экспрессивный стиль поэзии странствий. Его до конца дней влекла суровая природа Северной Японии. Дебютировал в 1930 году «Собранием хайку Фура» и в дальнейшем выпустил множество книг, из которых следует упомянуть такие как «Гора Асама в весенние холода» (1944) и «Полуостров Ното в синеве» (1950).

Сиба Фукио (1903—1930). Родился в префектуре Аити. Поступил в Токийский университет, но, не доучившись, вернулся в родные края на остров Сикоку, где и начал сочинять хайку. Испытывал влияние поэзии Масаока Сики, Нацумэ Сосэки и других мастеров реалистического направления. Примыкал к сообществу поэтов хайку «Хототогису». Утонченная лирика безвременно ушедшего в возрасте двадцати восьми лет поэта завоевала огромную популярность. Основные его произведения были опубликованы в посмертном «Собрании стихов Фукио» (1934).

Хара Сэkitэй (1889—1951). Настоящее имя Хара Канаэ. Родился в семье деревенского врача в префектуре Симанэ. Поступив на медицинский факультет, увлекся поэзией и живописью и вскоре стал профессиональным литератором. Примкнув к кругу поэтов журнала «Хототогису» и продолжив традиции

日野
草城

Хино Содзё

橋本
多佳子

Хасимото Такако

Такахама Кёси, Хара опубликовал ряд великолепных сборников пейзажной лирики хайку, лучшими из которых считаются «Тени от цветов» (1937) и «Собрание хайку Сэkitэй» (1948).

Хино Содзё (1901—1956). Настоящее имя Хино Ёсинобу. Родился и вырос в семье железнодорожного служащего в Корее. В гимназии при Киотском университете приобщился к движению хайку и был вскоре принят в круг поэтов журнала «Хотогису». В дальнейшем был исключен в связи с публикацией цикла эротической лирики и основал собственный журнал новаторских хайку «Канки». В поздней лирике вернулся к поэтике «отражения натуры». Содзё опубликовал множество сборников, из которых наиболее примечательны поздние итоговые книги: «Жизнь на исходе дня» (1953), «360 хайку Содзё» (1955), «Серебро» (1956).

Хасимото Такако (1899—1963). Настоящее имя Хасимото Тама. Родилась в Токио. Вступив в кружок «Хотогису», стала одной из лучших поэтесс стиля сясэй (отражение натуры). Впоследствии, увлеквшись творчеством выдающегося мастера хайку Ямamoto Сэйси, стала его верным другом и помощником, сотрудничая в популярном поэтическом журнале «Асиби». Лучшие ее произведения вошли в поздний сборник «Рыбачка» (1957) и посмертную книгу «Конец жизни» (1965).

西東
三鬼

Сайто Санки

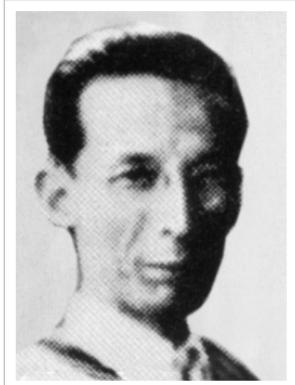

杉田
久女

Сугита Хисадзё

Сайто Санки (1900—1962). Настоящее имя Сайто Норинао. Родился в Токио. Получил медицинское образование и долгое время работал по специальности дантистом. Писать хайку начал в зрелом возрасте, примкнув к кружку неохайку «Асиби» и отвергая традиционную поэтику «отражения натуры». Создал оригинальный неореалистический стиль с элементами эпатажного модерна. Поздняя лирика Санки, пронизанная гуманистическим духом, насыщенная философскими раздумьями о жизни и смерти, оказала сильнейшее влияние на мир хайку второй половины XX века. Лучшие произведения поэта вошли в книги «Собрание хайку Мацумото Такаси» (1935), «Полевой обездчик» (1941), «Душа камня» (1953).

Сугита Хисадзё (1890—1946). Настоящее имя Сугита Хисако. Приобрела популярность публикациями утонченных хайку на страницах крупнейшего поэтического журнала «Хототогису» в разделе женской лирики «Кухонные хайку». В дальнейшем Хисадзё отходит от традиционной лирики (за что Такахама Кёси отлучает ее от «Хототогису»), публикует экспрессивные хайку с эротической окраской и пропагандирует новую поэтику в своем журнале «Ханагоромо». Основные произведения поэтессы изданы в посмертном «Собрании хайку Сугита Хисадзё» (1952).

松本
たかし

Мацумото Такаси

川端
茅舎

Кавабата Бося

Мацумото Такаси (1906—1956). Родился в Токио в семействе потомственных актеров театра Но. Уйдя из театра, он провел несколько лет в добровольном отшельничестве при храме Дзёмэйдзи в Камакуре, хотя в монахи так и не постригся. Стилистика Мацумото Такаси воплощает принцип «отражения натуры» *сясэй*. Впоследствии поэт вернулся в мир и женился, разделив с женой увлечение хайку. В первые послевоенные годы возглавлял поэтический журнал «Фуэ». Лучшие произведения поэта вошли в книги «Собрание хайку Мацумото Такаси» (1935), «Полевой обездчик» (1941), «Душа камня» (1953).

Кавабата Бося (1897—1941). Настоящее имя Кавабата Нобуити. Родился в Токио. Брат известного художника Кавабата Рюси (1885—1966). С юности увлекался живописью и сложением хайку. Примкнув к кружку поэтов «Хототогису», стал одним из любимых учеников классика жанра Такахама Кёси. В хайку Бося, проведшего несколько лет в стенах буддийского монастыря в качестве послушника, чрезвычайно сильно выражено религиозное начало. Мучительный процесс умирания (поэт скончался от туберкулеза) также нашел своеобразное освещение в лирике Бося. В целом его творчество остается в рамках стилистики «отражения натуры» *сясэй*. Основные произведения поэта вошли в посмертное «Уставное издание собрания хайку Кавабата Бося» (1946).

ПРИМЕЧАНИЯ

- C. 11 *Камакура* — древняя столица сегунов, расположенная неподалеку от Токио.
- C. 15 *Большой Будда* — гигантское бронзовое изваяние Будды в Камакура.
- C. 19 *Кюсю* — южный остров Японии, один из четырех «больших» островов.
- C. 20 *Рюкю* — архипелаг на юге Японии. Главный остров — Окинава.
- C. 22 *Хиросигэ, Андо* (1797—1858) — известный средневековый художник, мастер цветной гравюры. Особенно славятся его серии «53 станции Токайдо» и «Сто видов Эдо».
- C. 23 *Сяраку* — известный художник XVIII века. Мастер гравюры, изображавший главным образом актеров и борцов сумо.
- C. 25 ...*придет тот бродячий торговец / и сверчка принесет...* — Певчие насекомые (цикады, сверчки и т. д.) ценились в Японии не меньше певчих птиц.
- C. 26 *Квартал Гион* — район увеселительных заведений в Киото, существующий и в наши дни.
- C. 27 *Камогава* — река в Киото.
- C. 28 *Маруяма* — «веселый квартал» старого Нагасаки.
- C. 30 *Фусими* — пригород старого Киото, ныне один из кварталов города.
- C. 31 *Я прелестным «цветком»...* — В средневековых Китае и Японии образ «цветка», «цветка любви» служил метафорическим обозначением гетер, обитательниц «веселых кварталов».
- C. 32 *Асакуса* — район увеселительных заведений в старом Токио.
- C. 33 *Гиндза* — центральный район Токио.
- C. 34 *Идзу* — живописный гористый полуостров неподалеку от Токио.

- С. 36 *С Хакусю вместе...* — Имеется в виду Китахара Хакусю (1885—1942), известный японский поэт-символист, вместе с которым Ёсии Исаму путешествовал по острову Кюсю.
- С. 36 ...*что когда-то пищу и кров / португальским «падре» давал...* — Конец XVI века — эпоха проникновения в Японию португальских миссионеров. В начале XVII века португальцы были выдворены из страны, а христианство объявлено ересью. Эта колоритная эпоха привлекла внимание японских писателей и поэтов начала XX века.
- С. 38 *Ундзэн* — дремлющий (и периодически извергающийся) вулкан на острове Кюсю.
- С. 38 *Такубоку* — Искава Такубоку (1886—1912), прославленный «народный» поэт.
- С. 38 *Бокусуй* — Вакаяма Бокусуй (1885—1928), известный поэт жанра танка.
- С. 44 *Тоса* — область на острове Сикоку.
- С. 45 *Садо* — большой остров у северо-западного побережья Хонсю.
- С. 49 *Сацума* — область на острове Кюсю.
- С. 54 *Край Ямато* — провинция Ямато в центральной Японии, где расположены древние столицы Нара и Киото.
- С. 56 *Да, державы уж нет, / но горы и воды остались...* — аллюзия на стихотворение танского поэта Ду Фу (712—770): «Пала держава, но горы и воды остались / Цитадель по весне зеленеет новой травою...».
- С. 59 *Бодхисаттва Каннон* — божество милосердия в буддийском пантеоне.
- С. 62 *Нара* — столица японского государства в VIII веке, по сей день в городе сохранилось множество древних храмов.
- С. 62 Селенье Сахо и река Фуру-кава ныне находятся в пределах города Нара.
- С. 63 *Гора Касуга* — невысокая гора в пределах древней японской столицы Нара.
- С. 63 *Подбел (Andromeda)* — род вечнозелёных кустарничков семейства вересковых. Цветет белыми цветами.
- С. 64 *Гора Икома* — невысокая гора в пределах древней столицы Нара.

- C. 65 ...*приближаюсь к оленю...* — При крупнейшем синтоистском храме Касуга-тайся в г. Нара живут священные олени, которые свободно разгуливают по окрестностям.
- C. 67 *Саса* — «bamбуковая трава», низкий полукустарник с листвой, напоминающей листья бамбука.
- C. 78 *Рёкан* — постоянный двор или маленькая гостиница японского типа.
- C. 79 *Снеговые шаровары* — шаровары из плотной ткани, которые носят зимой в северных районах Японии.
- C. 80 ...*все мы рядышком спим сегодня...* — В традиционных крестьянских домах, как и в гостиницах-рёканах, в холодное время года все спали в одной отапливаемой комнате на полу на матрасах-футонах.
- C. 88 *Меж развесистых ив / гуляют дамы по Гиндзе...* — До Второй Мировой войны на центральной улице столичного квартала Гиндза росли ивы. Деревья погибли во время бомбежек Токио в 1945 году.
- C. 89 *Павловния (Paulownia), или Адамово дерево* — быстрорастущее субтропическое дерево высотой до 15 м. Зацветает в начале весны до появления листьев, крупные (до 5 см) душистые цветы собраны в большие пирамидальные метелки. Павловния является символом удачи. Древесину павловнии японцы используют для изготовления музыкальных инструментов, мебели, мелких поделок.
- C. 90 *Ёкосука* — порт и военно-морская база на небольшом гористом полуострове Идзу близ Токио.
- C. 95 *Синано* — название горного края на территории нынешней префектуры Нагано на острове Хонсю.
- C. 99 ...*поплотнее обняв жаровню...* — В традиционных японских домах все отопление ограничивалось одним очагом и переносными жаровнями-хиваби с горячими углами (обычно в виде керамической урны).
- C. 103 Один ри равен 3 км 927 м.
- C. 104 ...*в свой ночной халат...* — Ночной халат юката обычно предоставляется всем постояльцам традиционных японских гостиниц и постоянных дворов рёкан. Он может использоваться как для сна, так и для небольших прогулок по саду и даже по курортному городку.

- C. 104 *Сото* — длинное песчаное побережье в нынешней префектуре Аомори.
- C. 104 *Тракт Токайдо* — знаменитый исторический тракт, соединяющий Эдо (Токио) с Киото и Осакой и проходящий преимущественно вдоль тихоокеанского побережья острова Хонсю.
- C. 105 *Дзидзо* — добрая бодхисаттва, пользующаяся всеобщей любовью в Японии.
- C. 107 Дикая глициния часто оплетает своими лозами большие деревья от корней до макушки. Весной оплетенные глицинией криптомерии и сосны сплошь покрыты гроздями лиловых цветов.
- C. 107 *Нара* — см. примеч. к с. 62.
- C. 108 *Кисть и тушь на подносе...* — Письменный и рисовальный набор был неотъемлемой частью повседневной жизни писателя и художника в старой Японии.
- C. 112 *Нумадзу* — городок в центральной Японии в префектуре Сидзуока.
- C. 113 *Равнина Миаги* — обширная равнина в нынешней префектуре Миаги.
- C. 114 *Ямабуки (керрия японская)* — вид диких мелких роз желтого цвета, распускающихся на невысоких кустах весной.
- C. 115 ...в стихах-цепочках... — Стихи-цепочки *рэнга*, плоды коллективного поэтического творчества, пользовались популярностью в основном в XV—XVI веках.
- C. 115 ...краса всего сада... — По канонам японской эстетики, это средоточие очарования места.
- C. 116 *Одзу* — городок в префектуре Сига.
- C. 117 *Первый гром в году...* — В Японии грозы порой случаются зимой или ранней весной.
- C. 118 «*Осень бамбука*» — период весной, когда бамбук меняет листву и выглядит «по-осеннему».
- C. 118 *Сага* — живописное историческое селение близ Киото. Известно также упоминанием в одном из хайку Басё (1644—1694): «...в Сага рисую бамбук».
- C. 119 Кэнко-монах (1283—1359) — прославленный автор сборания кратких эссе «Записки от скучки» («Цурэдзурэгуса»).

- C. 120 *Тэйка, Фудзивара* (1162—1241) — замечательный поэт эпохи Камакура, составитель поэтической антологии «Новая Кокинсю» («Синкокинсю»), а также знаменитого изборника «Сто стихотворений ста поэтов» («Хякунин иссю»).
- C. 126 *Сайгё* (1118—1190) — великий поэт жанра танка, ставший наряду с Басё культовой фигурой в японской литературной традиции.
- C. 129 *Kappa* — «водяные» из японского фольклора.
- C. 131 ...слушаю трель соловья... — Японский «соловей», как он обычно именуется в переводах, в действительности является серохвостой камышовкой. Поет (точнее, поет голос) и весной, и летом, но трели, сравнимые с соловиными, выдает очень редко.
- C. 138 *Хаконэ* — невысокая горная гряда к западу от Токио, находящаяся близ горы Фудзи и славящаяся красотой видов.
- C. 139 *Девочка с куклой...* — Куклы хина — традиционные декоративные куклы в роскошных парчевых одеждах. Используются в основном не для игры, а для любования по особому случаю. В праздник Хина (День девочек) 3 марта великолепно оформленные наборы кукол выставляют на специальных полках-витринах в каждом доме, где есть девочки.
- C. 141 *Тридцать тысяч ри...* — Здесь мы видим гиперболу, подчеркивающую огромность пространств Тихого океана.
- C. 145 «Призрачный приют» (*Гэндзюан*) — уединенный скит неподалеку от Киото, воспетый Мацуо Басё в одноименном эссе-хайбун в 1690 году.
- C. 145 *Кукушка поет...* — Пение горной кукушки (хототогису) ценится в Японии наравне с пением японского «соловья» — камышовки (угуси) и знаменует начало лета.
- C. 147 *Дхарма* (яп. хо) — буддийский Закон, учение Будды.
- C. 151 *Горы Ава* — невысокая горная гряда в нынешней префектуре Тиба.
- C. 152 ...железная карета... — Имеется в виду автомобиль — техническое новшество в Японии начала XX в.
- C. 154 *Небесная река* (*Аманогава*) — японское (и китайское) название Млечного пути.

- C. 155 *Хаги* (леспредеца двуцветная) — полукустарник, цветущий на лугах в конце лета — начале осени.
- C. 157 Горы Дэва находятся в нынешней префектуре Ямагата на острове Хонсю.
- C. 159 *Деньги, что занимал, / клич гусей и пух от мисканта...* — Игра слов: кариганэ имеет здесь двойное значение: 1) крик диких гусей, 2) занятые деньги. Мискант *обана* славится красотой пушистых колосьев-плюмажей.
- C. 159 *Измочалил банан...* — Листья банана, разорванные ветром на полосы — популярный образ классической поэзии, метафора несчастья и страданий.
- C. 164 «*Записки о безграничном*» Сики — эссе поэта Масаока Сики (1867—1902), друга и учителя Рогэцу.
- C. 166 Рыба фугу считается опасным деликатесом, так как ее желчный пузырь, печень и кожа содержат яд. Приготовление фугу требует особой квалификации повара.
- C. 168 «*Малая весна*» — краткий период погожих дней в конце осени — начале зимы.
- C. 169 *Тага* — старинный замок в префектуре Миаги, заброшенный с середины XIV века.
- C. 169 ...*солнце — как на флаге...* — Имеется в виду национальный флаг Японии.
- C. 169 ...*отражение пьющего волка...* — Волки были полностью истреблены в Японии в начале эпохи Мэйдзи, так что данное хайку — не более, чем игра воображения.
- C. 170 Равнина *Мусаси* — большая равнина в окрестностях Токио.
- C. 170 Княжеский кортеж! — Имеется в виду процессия даймё (князя). Феодальные правители областей даймё обычно путешествовали из своих наделов в Эдо с огромным кортежем, включавшим сотни самураев и слуг.
- C. 171 *Выбивает сажу из рясы...* — Сажа оседала на одежду от открытого очага — основного источника тепла в японском доме, не считая жаровен.
- C. 172 ...*проводая год...* — Проводы старого года (бонэнкай) — старинный обычай устраивать вечеринки с друзьями незадолго до Нового года. Таких вечеринок может быть несколько.

- C. 173 Хижина Басё в районе Фукагава в Токио стала после его смерти мемориальным музеем и популярным местом поэтического паломничества.
- C. 175 *Пересохла тушь, затвердела...* — Традиционным способом тушь готовят, растворяя в воде порошок, натертый с «тушечного камня».
- C. 180 Центральный храм — главное помещение в храмовом комплексе, состоящем из нескольких построек.
- C. 180 Камелия-малютка — // по ее ветвям... — Камелия цветет алыми и белыми цветами несколько месяцев в зимний период, даже в холодных районах и нередко под снегом.
- C. 202 Асама — название вулкана в центральной части острова Хонсю. Там же расположены и другие вышеупомянутые автором вершины.
- C. 212 ...запевают на полях / песнь свою лягушки... — Кваканье лягушек весной на заливных полях в Японии исторически воспринималось как мелодичное пение.
- C. 220 «Поле боя» — название живописного луга в гористой части национального парка Никко, поросшего буро-ватой травой, цветом напоминающей запекшуюся кровь. Там же, неподалеку, возле озера расположен исторический храм Тюдзэн-дзи.
- C. 231 Сёдзи — сдвижные перегородки из плотной промасленной бумаги, заменявшие двери в традиционном японском доме.
- C. 231 Тидори — птицы из семейства куликов, родственные чайкам.
- C. 236 Восточные горы — невысокая горная гряда к востоку от Киото.
- C. 250 Нора — имеется в виду героиня пьесы Ибсена «Кукольный дом».
- C. 252 Дзамбоа (дзабон) — дерево из породы цитрусовых с огромными плодами, напоминающими помело. Растет в основном на юге Японского архипелага.
- C. 252 «Гнездо журавлиное» — так поэтесса именует свой дом.
- C. 255 ...луна тринадцатой ночи... — Полная луна тринадцатой ночи девятого лунного месяца в классической поэзии воплощает идеал «лунной» красоты.

- С. 255 ...*прекрасные танцы Но...* — Выросший в семье актера театра Но, Такаси с детства разучивал танцевальные эпизоды, которые являются важной составляющей большинства пьес.
- С. 257 *Остров Авадзи* — живописный остров во Внутреннем море недалеко от побережья большого полуострова Кии.
- С. 259 *Сайгё* — см. примеч. к с. 126.
- С. 260 *Белоглазка (мэдзиро)* — японская лесная птица.
- С. 260 *Теллина* — род моллюсков.
- С. 261 *Куклы-хина* — см. примеч. к с. 139.
- С. 261 *Алая слива...* — Японская слива цветет в основном либо алыми, либо белыми цветами.
- С. 263 *Идзу* — живописный полуостров неподалеку от Токио.
- С. 265 *Осима* — небольшой остров близ южной оконечности полуострова Идзу.
- С. 266 ...*звенит ветряной колокольчик...* — Колокольчик-фурин с полоской бумаги, которая колышется от дуновения ветра, вызывая мелодичный звон.
- С. 267 *Уэно* — центральный парк в Токио.
- С. 260 *Мандала* — условная «картина мира» в буддийской иконографии.
- С. 270 *Кэгон* — знаменитый водопад в национальном парке Никко.
- С. 273 *Маринованная слива (умэбоси)* — излюбленная приправа японской кухни.
- С. 273 ...*в огне напекают / коленца бамбука...* — Коленца бамбука «музыкально» потрескивают в огне.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
----------------------	---

ПОЭЗИЯ ТАНКА

Ёсии Исаму	9
Из книги «Хмельной бред»	9
Из книги «До вчерашнего дня»	21
Из книги «Песни квартала Гион»	26
Из книги «Ядовитые цветы уцуги»	31
Из книги «Лотосы у берега реки»	32
Из книги «Сердце ночи»	35
Из книги «Чарка попугая»	36
Из книг «Сутра человека», «Дитя небес»	40
Сасаки Нобуцуна	52
Из книг «Трава раздумья», «Собрание стихов Сасаки Нобуцуна»	
Айдзу Яити	58
Из книг «Новые песни южной столицы», «Клич оленя»	
Оноэ Сайсю	61
Маэда Югурэ	71
Исихара Ацуси	77
Нисимура Ёкити	85
Цутида Кохэй	93

Поэзия хайку

Исии Рогэцу	103
Из рукописного собрания хайку	
Одзаки Хосай	183
Накацука Иппэкиро	195
Из книги «Собрание хайку Иппэкиро»	
Маэда Фура	201
Из книги «Собрание хайку Маэда Фура»	
Сиба Фукио	217
Хара Сэkitэй	226
Хино Содзё	232
Из книги «Собрание хайку Содзё»	
Хасимото Такако	238
Из книги «Собрание хайку Хасимото Такако»	
Сайто Санки	245
Из книги «Собрание хайку Санки»	
Сугита Хисадзё	249
Из книги «Собрание хайку Хисадзё»	
Мацумото Такаси	254
Из книги «Собрание хайку Мацумото Такаси»	
Кавабата Бося	268
Приложения	
Краткие сведения об авторах	283
Примечания	294

ПЕСНИ ОСЕННЕГО ВЕТРА

*Новые шедевры танка и хайку
японского Серебряного века
в переводах Александра Долина*

Ответственный редактор С. В. Смоляков

Художник П. П. Лосев

Корректор Н. М. Казимиричук

Оригинал-макет А. Б. Левкина

Издательский Дом «Гиперион»,

199178 Санкт-Петербург, пр. Просвещения 69-263.

Тел./факс +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853

E-mail: hyp55@yandex.ru

www.hyperion.spb.ru

Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Сдано в набор 07.04.2015. Подписано в печать 02.07.2015.

Усл. печ. л. 16. Формат 84×108 1/32. Тираж 1000 экз.

Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87